U 303/194

И 303/124

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОХОДѢ

18-го ПѢХОТНАГО

ВОЛОГОДСКАГО ПОЛКА

ВЪ ТУРЦІЮ,

въ 1877—78 годахъ.

Посвящается памяти старыхъ сослуживцевъ и боевыхъ товарищей Вологодскаго полка.

(Съ двѣнадцатью рисунками.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Редакціи журнала „Чтеніе для Солдатъ".
1886.

= 384 =

И 303/124

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОХОДѢ

18-го ПѢХОТНАГО

ВОЛОГОДСКАГО ПОЛКА

ВЪ ТУРЦІЮ,

въ 1877—78 годахъ.

Посвящается памяти старыхъ сослуживцевъ и боевыхъ товарищей Вологодскаго полка.

(Съ двѣнадцатью рисунками.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Редакціи журнала „Чтеніе для Солдатъ".
1886.

Екатерининскій кан., д. № 78.
2699.

1204.45

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9-го іюля 1886 года.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОХОДѢ
18-го пѣхотнаго
ВОЛОГОДСКАГО ПОЛКА
ВЪ ТУРЦІЮ,
въ 1877 — 1878 годахъ.

I.

Въ ожиданіи войны.

Краткій перечень событій, предшествовавшихъ мобилизаціи войскъ.— Мобилизація полка.—Выступленіе полка въ Каменецъ-Подольскую губернію.—Въ ожиданіи войны.—Война объявлена.—Отъѣздъ полка со станціи Гнивань Кіево-Брестской желѣзной дороги.

Война сербовъ съ турками въ 1876 году глубоко заинтересовала и взволновала все русское общество. Начались сборы пожертвованій для «Краснаго Креста» и разныхъ другихъ комитетовъ, вербовка волонтеровъ, или, какъ ихъ называли, «добровольцевъ»; имена Черняева, Кирѣева и другихъ героевъ сербской войны стали извѣстны всѣмъ и каждому, на великой матушкѣ Руси.

Всѣ напряженно слѣдили за кровавыми событіями войны, съ нетерпѣніемъ ожидая конца этой роковой борьбы балканскихъ славянъ съ ихъ исконнымъ врагомъ—турками.

Но вотъ, въ концѣ октября послѣдовалъ разгромъ сербской арміи подъ Дюнишемъ; турки готовились двинуться церемоніальнымъ маршемъ къ Бѣлграду и только рѣшительное слово въ Бозѣ почившаго Государя Императора лишило ихъ этого удовольствія.

Наконецъ, всеобщія ожиданія сбылись: 1-го ноября Высочайше повелѣно было произвести мобилизацію войскъ Кіевскаго, Одесскаго и Харьковскаго военныхъ округовъ, образовать шесть армейскихъ корпусовъ, изъ которыхъ корпуса №№ VIII, IX, XI и XII составили дѣйствующую армію; а наша 5-я, 31-я пѣхотная и 9-я кавалерійская дивизіи составили IX-й армейскій корпусъ.

Съ утра 2-го ноября, по улицамъ Чернигова, гдѣ квартировалъ полкъ, были расклеены полиціей указы о призывѣ запасныхъ солдатъ и о выполненіи воинской конской повинности. Около нихъ стояли кучки разнаго люда, читая и перечитывая ихъ. Въ полковой канцеляріи уже получено было предписаніе о томъ, чтобы къ 22-му ноября полкъ былъ готовъ къ выступленію.

Въ полку закипѣла работа: начали прибывать партіи запасныхъ нижнихъ чиновъ; нужно было ихъ распредѣлить поротно, обмундировать, раздать оружіе, пригнать аммуницію и т. п.; началась отточка штыковъ и другаго холоднаго оружія; вообще, хлопотъ и работы было по горло.

Согласно полученнаго маршрута, полкъ долженъ былъ двинуться двумя эшелонами въ гор. Городню, а оттуда, по желѣзной дорогѣ, чрезъ Кіевъ, по Кіево-Брестской дорогѣ до станціи Гнивань, Подольской губерніи, и затѣмъ расположиться въ районѣ Винницкаго уѣзда.

20-го ноября, полкъ, со знаменами, построился на соборной площади. Послѣ литургіи, преосвященный Серапіонъ, отслуживъ молебенъ передъ строемъ полка, сказалъ напутственное слово, послѣ котораго благословилъ полкъ образомъ Казанской Божіей Матери и вручилъ его командиру полка. Картина была по истинѣ величественная. Былъ сырой, холодный ноябрьскій день. Рыхлый снѣгъ покрывалъ землю, падая сверху, пополамъ съ дождемъ. Масса публики наполняла площадь, окружая строй со всѣхъ сторонъ.

Баталіоны, укомплектованные до военнаго состава, представляли грозный и внушительный видъ. Въ туманномъ воздухѣ вѣяли распущенныя знамена и церковныя хоругви. Духовенство, въ блестящемъ облаченіи, ходя по рядамъ, кропило святой водой. Церковное пѣніе сливалось съ звуками музыки, игравшей «Коль славенъ» и звономъ колоколовъ. Слышались вздохи и слова молитвы и по лицу многихъ текли горячія слезы... Мысль о томъ, что, можетъ быть, въ послѣдній разъ приходится видѣть родную семью, лица дорогихъ, близкихъ сердцу людей, мысль эта тяготила сердце и глаза невольно заволакивались слезой!... *).

---

*) Дѣйствительно, предчувствіе многихъ оправдалось: полкъ участвовалъ въ шести большихъ сраженіяхъ и потерялъ убитыми и ранеными 64 офицера и 1942 нижнихъ чиновъ.

По окончаніи молебствія, Черниговское городское общество, среди котораго полкъ нашъ простоялъ почти шесть лѣтъ, предложило угощеніе нижнимъ чинамъ на Гимназической площади, а офицерамъ обѣдъ въ залѣ дворянскаго собранія.

23-го ноября, около 8-ми часовъ утра, выступилъ изъ Чернигова 1-й эшелонъ, состоявшій изъ 2-го и 3-го баталіоновъ, подъ начальствомъ маіора Залетина, а на другой день долженъ былъ отправиться 2-й эшелонъ, состоящій изъ 1-го баталіона, полковаго обоза и штаба полка, подъ начальствомъ подполковника Тиханова.

Наканунѣ выступленія, я почти цѣлую ночь просидѣлъ въ кругу родныхъ; много было передумано, перечувствовано, пересказано!...

Рано утромъ, чуть только забѣлѣло на дворѣ, я простился съ родными, сѣлъ на лошадь и, по обязанности баталіоннаго адъютанта, поѣхалъ поднять знамя, чтобы отнести его на сборный пунктъ полка, возлѣ нестроеваго двора, въ предмѣстьи Чернигова. Рѣзко раздавались звуки музыки въ пустынныхъ и безлюдныхъ улицахъ города, еще окутаннаго утреннимъ туманомъ. Къ 8-ми часамъ 1-й эшелонъ былъ готовъ къ выступленію. Полковымъ священникомъ, Кудрявцевымъ, былъ отслуженъ напутственный молебенъ. Офицеры простились съ родными и знакомыми, пріѣхавшими сюда провести послѣднія минуты, проститься и пожелать счастливаго пути; затѣмъ ударили «фельдъ-маршъ»; всѣ, снявъ шапки, перекрестились и двинулись впередъ. По обыкновенію, раздались солдатскія пѣсни, гудѣнье бубна, да звонъ тарелокъ, и — прощай Черниговъ!... Какъ-то грустно, странно было на душѣ;

но, подчиняясь общему движенію и самъ двигаешься впередъ! День былъ солнечный, морозный; земля была только слегка покрыта снѣгомъ; все это благопріятствовало походу, и нашъ эшелонъ, пройдя 25 верстъ, въ три часа дня пришелъ на ночлегъ въ м. Седневъ.

24-го ноября, эшелонъ перешелъ за 14 верстъ до села Дубровное. Здѣсь почти всѣ офицеры нашего баталіона ночевали въ одной избѣ постоялаго двора. Спали на полу, застланномъ соломой. Почти весь вечеръ провели въ толкахъ и разсказахъ о предстоящей намъ боевой жизни. Изъ города къ намъ пріѣхалъ адъютантъ Федоровъ и объявилъ, что Городнянское общество, по почину предводителя дворянства, князя Кейкуатова, устроило нашему первому эшелону торжественную встрѣчу, а затѣмъ угощеніе нижнимъ чинамъ и обѣдъ офицерамъ, и что такой же пріемъ и насъ ожидаетъ.

25-го ноября, мы выступили въ 8 часовъ утра и сдѣлали переходъ въ 14 верстъ, до гор. Городни.

Въ эти дни погода была хорошая, морозы стояли небольшіе и весь этотъ переходъ можно сравнить съ мирной военной прогулкой.

Подойдя къ городу, роты были приведены въ строгій порядокъ; всѣ, такъ сказать, подтянулись и подъ звуки полковой музыки и грохотъ барабановъ запарадировали на городскую площадь.

На площади встрѣтило насъ духовенство въ облаченіи, съ крестами и хоругвями; представители города и прочая городская публика. Послѣ молебна, солдатиковъ на славу угостили водкой съ булкой, а офицеровъ пригласили въ помѣщеніе городскаго клуба, гдѣ имъ была предложена закуска. Загремѣла музыка, раз-

дались тосты и разныя пожеланія; все было просто, но весело; всѣ остались довольны—и гости, и хозяева. Душою этаго веселья, по обыкновенію, былъ главный руководитель — князь Кейкуатовъ.

Къ вечеру мы пришли на Городнянскій вокзалъ и нагрузивъ обозъ, двинулись уже по желѣзной дорогѣ къ мѣсту своего расположенія, въ Подольскую губернію.

Холодъ и тѣснота въ вагонѣ, скука на вокзалѣ и томительное ожиданіе отправленія поѣзда—вотъ все, что можно сказать о нашемъ путешествіи.

26-го ноября, эшелонъ высадился въ Гнивани и азошелся по заранѣе распредѣленнымъ стоянкамъ. Расположеніе частей полка было слѣдующее: въ селѣ Могилевкѣ—полковой штабъ и 2-я стрѣлковая рота; въ селѣ Сутискахъ—3-я, 4-я линейныя и 1-я стрѣлковая роты; въ селѣ Витовѣ—1-я и 2-я линейныя роты; въ м. Ворошиловкѣ—7-я и 8-я линейныя роты; въ селѣ Борскѣ—9-я и 10-я линейныя роты; въ селѣ Рыжикахъ—11-я линейная рота; въ селѣ Шершняхъ—12-я линейная рота; въ селѣ Маяновѣ—3-я стрѣлковая рота, и въ селѣ Демидовкѣ—5-я и 6-я линейныя роты *).

Остановка наша на неопредѣленное время не особенно радовала насъ. Мы рвались впередъ и вдругъ—стоянка по глухимъ деревнямъ, предстоящія впереди ученья, смотры! Но нѣтъ худа безъ добра; эта продолжительная, 4-хъ-мѣсячная, остановка дала возможность сплотить полкъ, выучить и довести до блестящаго состоянія.

---

*) Въ селѣ Демидовкѣ находилось семейство помѣщиковъ Лупандиныхъ, широкимъ гостепріимствомъ и любезностью которыхъ въ продолженіи всей стоянки пользовались офицеры стоявшихъ тамъ ротъ.

Въ числѣ прибывшихъ изъ запаса, многіе давно все перезабыли, отстали отъ строя, отвыкли отъ дисциплины и не имѣли понятія объ обращеніи съ скорострѣльнымъ оружіемъ.

Какъ только устроились на новыхъ мѣстахъ, немедленно приступили къ строевымъ занятіямъ, обратили особенное вниманіе на прикладку и другія приготовительныя къ стрѣльбѣ упражненія; провѣряли ружейные пріемы, маршировку; наконецъ, пройдя одиночное обученіе, перешли къ уставнымъ, ротнымъ и баталіоннымъ, ученьямъ, а затѣмъ и тактическимъ на окрестныхъ поляхъ, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ. Всѣ строевыя занятія, за неимѣніемъ манежа, производились на открытомъ воздухѣ, не смотря ни на какую погоду. По утвержденіи людей въ прикладкѣ и прицѣлкѣ, производили стрѣльбу въ цѣль боевыми патронами и, по мѣрѣ возможности, упражняли людей въ сторожевой службѣ. Въ послѣобѣденное время занимались разборкою и сборкою, внутренней и гарнизонной службой и другими обязательными для нижнихъ чиновъ познаніями. Впослѣдствіи сформированы были въ баталіонахъ глазомѣрныя команды, въ составъ которыхъ въ каждомъ баталіонѣ изъ каждой роты взяты были четыре лучшихъ стрѣлка.

Въ свободное отъ занятій время, офицеры ѣздили въ окрестныя села къ товарищамъ, охотились на волковъ, а у насъ, въ Сутискахъ, составился хоръ пѣвцовъ-любителей, которые развлекали, какъ себя, такъ и другихъ, въ часы вечерняго бездѣлья и скуки. Подъ руководствомъ прапорщика Гурскаго, хоръ такъ усовершенствовался, что на Рождественскіе праздники

пѣлъ нотныя обѣдни въ сутисской церкви, чѣмъ приводилъ въ неописанный восторгъ старика батюшку.

Наконецъ, это «Подольское сидѣнье» надоѣло всѣмъ до невозможности. Скука обуяла страшная: одно и тоже изо-дня въ день, ни книгъ, ни газетъ, развлеченій никакихъ!

Въ началѣ марта, изъ штаба дивизіи былъ полученъ приказъ, что Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, проѣздомъ въ Кишиневъ, сдѣлаетъ смотръ Вологодскому полку 14-го марта, въ 11 часовъ утра, возлѣ станціи Гнивань.

14-го марта, въ 8 часовъ утра, полкъ, въ баталіонныхъ колоннахъ, былъ построенъ недалеко отъ вокзала, примыкая правымъ флангомъ къ полотну желѣзной дороги. Утро было сырое, туманное. Грязь была страшная; люди, буквально, вязли по колѣна въ распустившейся глинисто-черноземной почвѣ. Къ 10-ти часамъ утра туманъ исчезъ, показалось солнышко и чрезъ $^3/_4$ часа прибылъ поѣздъ. Великій Князь подъѣхалъ къ фронту въ коляскѣ, въ сопровожденіи начальника штаба, генералъ-адъютанта Непокойчицкаго. Не имѣя возможности, вслѣдствіе глубокой грязи, объѣхать по фронту полка, Великій Князь, остановясь противъ 2-го баталіона и ставъ во весь ростъ въ коляскѣ, обратился съ привѣтствіемъ: «Здорово, Вологодцы–молодцы!» и затѣмъ скомандовалъ: «Къ церемоніальному маршу, по ротно!» При прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ, многіе солдаты потеряли сапоги въ грязи и босыми маршировали мимо Великаго Князя. Всѣ роты полка удостоились похвалы Его Высочества.

Послѣ церемоніальнаго марша, была вызвана 3-я

стрѣлковая рота, которой было произведено ротное ученье. Рота произвела различныя движенія и построенія безукоризненно, за что неоднократно удостаивалась похвалъ. По окончаніи смотра, Его Высочество вызвалъ къ себѣ офицеровъ, сказалъ, что полкъ найденъ въ прекрасномъ состояніи и что Онъ надѣется, что если полку придется встрѣтиться съ непріятелемъ, то онъ поддержитъ свою славу и что офицеры будутъ служить во всемъ примѣромъ.

10-го апрѣля, Вологодскій полкъ, въ составѣ всей дивизіи, возлѣ станціи Жмеринки, участвовалъ на смотру Государя Императора. Послѣ объѣзда войскъ, Государь Императоръ изволилъ собрать къ себѣ офицеровъ всѣхъ частей, поздравилъ съ походомъ и, прощаясь, произнесъ напутственное слово. Радость и восторгъ были всеобщіе. Долго, долго неумолкаемое «ура» перекатывалось по рядамъ войскъ, какъ эхо раскатовъ отдаленнаго грома.

Послѣ смотра получился маршрутъ, по которому полкъ долженъ былъ двинуться по желѣзной дорогѣ со станціи Гнивань до Бендеръ и оттуда обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ въ Румынію.

17-го апрѣля, съ 12-ти часовъ дня, начали отправляться первые эшелоны Вологодцевъ, а къ вечеру этого же дня прибылъ для посадки 1-й баталіонъ. Командиръ полка поздравилъ людей съ походомъ и приказалъ полковому адъютанту прочесть манифестъ и приказъ по Дѣйствующей Арміи. Наступила ночь, холодная, звѣздная, апрѣльская ночь. Такъ какъ нашъ эшелонъ долженъ былъ отправиться только въ 11 часовъ ночи, то солдатики разложили костры и стоя въ круговую,

грѣясь, толковали, что Богъ положилъ на душу. Вскорѣ затѣмъ загудѣлъ и зазвякалъ бубенъ и полились лихія солдатскія пѣсни...

II.

До Дуная.

Походъ по Бессарабіи.—Бендеры.—Стоянка въ селеніи Гискахъ.—Преданіе о могилѣ Суворова.—Видъ мѣстности.—Движеніе полка къ границѣ.—Новые Каушаны.—Виды мѣстности.—Такузы.—Свойство почвы во время дождя. — Жилыя постройки въ Бессарабіи. — Тараклія.—Чемишлія.—Дороговизна жизненныхъ припасовъ.—Баштамакъ.

18-го апрѣля нашъ эшелонъ высадился на Тираспольскомъ вокзалѣ, лежащемъ въ 2—3 верстахъ отъ Тирасполя, небольшаго уѣзднаго городка Херсонской губерніи, бывшаго когда-то пограничной крѣпостью, разрушенные временемъ валы и заброшенныя крѣпостныя зданія которой, существуютъ и по настоящее время.

Отъ вокзала мы пошли на Бендеры, пройдя которые должны были расположиться въ селеніи Гискахъ, впредь до особаго приказанія.

День былъ хорошій, солнечный. Весна была здѣсь въ полномъ разгарѣ. Въ воздухѣ было тихо, тепло и даже жарко. Въ голубой синевѣ неба слышалось веселое щебетанье птичекъ; кругомъ—яркая зелень и деревья покрытыя уже распустившейся зеленой листвой. Возлѣ Бендеръ перешли рѣку Днѣстръ по желѣзнодорожному мосту, устроенному такимъ образомъ, что въ нижнемъ ярусѣ ѣздятъ экипажи, а вверху, надъ головой, проходятъ поѣзды; затѣмъ поднялись мы на гору и вступили въ городъ.

Бендеры — одна изъ значительныхъ крѣпостей на нашей юго-западной границѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ—плохой уѣздный городишко, страшно грязный. Засохшія и взбитыя глыбы грязи, покрывавшія площадь и улицы, уподобляли ихъ кочковатому болоту.

Въ 5 час. пополудни мы выступили изъ города и, пройдя около пяти верстъ, расположились въ назначенной стоянкѣ, въ селеніи Гискахъ, гдѣ уже были расположены, раньше пришедшіе, полковой штабъ и 2-й и 3-й баталіоны нашего полка.

Гиски—это огромное село, разбросанное по скатамъ горъ и долинѣ, и тянущееся на протяженіи по крайней мѣрѣ 5—6 верстъ. Жители, выходцы изъ разныхъ губерній, состоятъ изъ трехъ, рѣзко отличающихся національностей: великоруссовъ-раскольниковъ, малороссіянъ и молдаванъ.

Большею частью, всѣ постройки, особенно у молдаванъ, состоятъ изъ однѣхъ избъ, не имѣя почти никакихъ надворныхъ строеній, такъ что скотъ зимою располагается подъ открытымъ небомъ.

Окружающая мѣстность около Гисокъ очень живописная. На одной, болѣе высокой, возвышенности, находится продолговатый курганъ, въ видѣ вала, который здѣсь въ народѣ носитъ названіе «могилы Суворова».

Народное преданіе говоритъ, что съ этой горы Суворовъ дѣлалъ распоряженія при взятіи Бендеръ во время турецкой войны, въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й *), что на этой горѣ расположена была

---

*) Бендеры взяты графомъ Панинымъ въ 1770 году.

батарея и здѣсь же погребены были тѣла павшихъ воиновъ.

Видъ съ этого кургана восхитительный. Если стать лицомъ къ Бендерамъ, то впереди, по скатамъ горъ и въ ложбинѣ, лежатъ Гиски, потонувшія въ зелени садовъ и виноградниковъ; дальше—городъ, издали казавшійся гораздо красивѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Кругомъ желто-коричневые горные кряжи Карпатовъ, вершины коихъ представляютъ самыя разнообразныя очертанія; вправо, по низменной долинѣ, извивается лентой рѣка Днѣстръ, берега которой густо покрыты яркою зеленью деревьевъ, лозъ и прочихъ зарослей; за рѣкой, надъ густой зеленью, виднѣется какой-то монастырь, или церковь, золотой крестъ которой ярко блеститъ въ лучахъ полуденнаго солнца.

Здѣсь намъ выдали жалованье за истекавшій мѣсяцъ. Солдатамъ выдали походныя переносныя палатки, одну на шесть человѣкъ. Палатки эти разбирались такъ, что каждому человѣку приходилось нести одно полотнище, веревку и нѣсколько колышковъ. Въ Гискахъ мы простояли три дня и затѣмъ, 20-го апрѣля, вечеромъ было объявлено приказаніе, что нашъ полкъ, два баталіона Архангелогородцевъ и двѣ батареи 5-й артиллерійской бригады, составивъ эшелонъ, подъ начальствомъ командира 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора Кпоринга, выступятъ, на другой день утромъ, въ мѣстечко Новые-Каушаны.

21-го апрѣля день былъ сѣренькій; дорога почти что просохла отъ раньше шедшихъ дождей и солдатики бодро двигались впередъ, развлекая себя, по обыкновенію, пѣснею:

«Восемь дѣвокъ, одинъ я,
Куда дѣвки, туда я!»

Почти всю дорогу, съ лѣвой стороны виднѣлась рѣка Днѣстръ, берега которой были покрыты виноградниками и другой растительностью. Кругомъ насъ высились желто-коричневыя вершины горъ, одна другой разнообразнѣе...

Не смотря на то, что переходъ былъ верстъ въ двадцать съ небольшимъ, онъ на первый разъ, съ непривычки, показался намъ и продолжительнымъ, и тяжеловатымъ. Наконецъ, къ часу дня, пришли на ночлегъ.

Новые Каушаны—это мѣстечко, расположенное на скатѣ горы, омываемой широкимъ лиманомъ рѣки Днѣстра. По срединѣ, на площади, была небольшая каменная церковь, отъ которой тянулось нѣсколько улицъ, застроенныхъ, выбѣленными извѣстью, глиняными домами, съ красными черепичными, или соломенными крышами. Комнаты въ этихъ домикахъ были нѣсколько сыроваты, но довольно опрятны, чисто выбѣлены и роскошно убраны коврами мѣстнаго произведенія. Жители мѣстечка, большею частью, молдаване.

Утромъ, 22-го апрѣля, выступили мы изъ Каушанъ въ селеніе Такузы, гдѣ намъ назначенъ былъ ночлегъ и дневка. Утро было сѣренькое, дулъ довольно холодный вѣтеръ; мѣстность была страшно гористая; намъ то и дѣло, приходилось подыматься съ горы на гору. Горы эти, съ ихъ грязно-желтыми, а въ иныхъ мѣстахъ красноватыми вершинами, порядочно уже намъ надоѣли. На седьмой верстѣ мы свернули съ большой почтовой дороги на проселочную и, пройдя немного, расположились на привалѣ, на скатѣ возвышенности.

По обыкновенію, на привалѣ солдатики подкрѣпляли себя скуднымъ своимъ завтракомъ, или лежа кучками, головами другъ къ другу, бесѣдовали и мурлыкали пѣсенки.

Наконецъ, пришли и въ Такузы; это было большое молдаванское село, очень разбросанное, съ бѣлыми, чистыми мазанками-избами и весьма скудною растительностью.

На другой день, утромъ, былъ сдѣланъ осмотръ оружія и произведена повѣрка прицѣлки; затѣмъ, люди занялись починкою и исправленіемъ своей одежды и мытьемъ бѣлья. Вечеромъ затѣялись солдатскія игры и пѣсни, а передъ квартирою эшелоннаго командира играла полковая музыка, закончивъ день «вечерней зарею» и гимномъ «Коль славенъ».

Въ Бессарабіи, странѣ почти совершенно безлѣсной, дома строятся слѣдующимъ образомъ: стѣны выводятъ изъ дерна, или высушеннаго кизяка, обмазываютъ ихъ, какъ внутри, такъ и снаружи, глиной, бѣлятъ известкой и покрываютъ соломенной или камышевой крышею. Избы почти вездѣ чисты, опрятны, устланы коврами мѣстнаго изготовленія; но воздухъ въ нихъ влаженъ и онѣ отличаются сыростью. Здѣсь во множествѣ изготовляются ковры, иногда весьма хорошаго качества; эти ковры составляютъ одинъ изъ главныхъ предметовъ богатства жителей.

24-го апрѣля, къ вечеру, мы были уже въ Таракліи, куда солдатики дошли бодро съ пѣснями.

Въ слѣдующую ночь пошелъ проливной дождь, вслѣдствіе чего, растворившаяся глинисто-черноземная почва сильно затрудняла наше движеніе, на слѣдую-

щій день, къ мѣстечку Чемишліи, и приводила всѣхъ въ совершенное изнеможеніе. Грязь была какая-то липкая, пристававшая къ ногамъ; казалось, что несешь на ногахъ какія-то свинцовыя гири; ежеминутно приходилось отряхивать сапоги.

— Да тутъ и грязь какая-то не людская!—ругались солдаты, отряхивая съ ногъ комья грязи и кряхтя, плелись дальше, подымаясь съ горы на гору.

Больше всего надоѣли намъ горы съ ихъ противными грязно-желтыми, лишенными растительности, вершинами; куда ни посмотришь, вездѣ горы, горы и горы.

На этомъ переходѣ, какъ люди, такъ и обозныя лошади совершенно выбились изъ силъ. Солдатикамъ большею частью приходилось на своихъ рукахъ вытягивать засѣвшія въ грязи обозныя фуры.

Чемишлія—это небольшое молдаванское мѣстечко, имѣвшее кое-какія лавченки, благодаря чему мы могли пополнить свои скудные запасы, истощившіеся за время похода *). Все здѣсь было незавиднаго качества и при томъ страшно дорого; напримѣръ: пудъ говядины отъ 6—8 рублей; сала 14—20 рублей; пудъ соли 2—4 руб., крупу же можно было достать только кукурузную по 1 рублю за пудъ, капусты же нельзя было достать ни за какія деньги. Говорятъ, что всѣ эти продукты вздорожали со времени прохода войскъ, а до тѣхъ поръ здѣсь было дешево.

*) За полкомъ тащился жидокъ-маркитантъ Натусъ, нашъ бывшій полковой портной; но цѣны у него на все стояли ужасныя, напримѣръ рюмка водки — 10 коп., штофъ водки — 1 р. 20 коп., фунтъ плохаго швейцарскаго сыру—80 коп., фунтъ колбасы—50 коп., фунтъ сахару—40 коп., фунтъ чернаго хлѣба—10 коп., бѣлаго —15 копѣекъ.

Утромъ, 26-го апрѣля, мы выступили въ село Баштамакъ, послѣднее русское село передъ переходомъ границы. День былъ солнечный; въ воздухѣ чувствовалась свѣжесть отъ недавно шедшаго дождя. Дорога за ночь успѣла нѣсколько просохнуть, такъ что не представляла такого затрудненія, какъ наканунѣ. Мѣстность была гористая, живописная. Красивая долина и ущелья, какъ въ панорамѣ, смѣнялись предъ нашими глазами.

Пройдя, наконецъ, 18—20 верстъ, пришли въ Баштамакъ,—небольшое молдаванское село, разбросанное по скатамъ горъ и лощинамъ. Такъ какъ отрядъ, состоящій изъ двухъ полковъ съ двумя батареями, не могъ расположиться по квартирамъ, то на каждую роту было отведено по четыре хаты для офицеровъ и ротной канцеляріи, а солдатики расположились бивуакомъ, въ первый разъ примѣнивъ къ дѣлу свои палатки.

Всю ночь шелъ проливной дождь. Слѣдующій день былъ пасмурный и холодный, такъ что почти всѣ сидѣли по квартирамъ.

III.

По Румыніи.

Переходъ границы.—Солдатъ-доробанецъ.—Раздумье.—Картины прошлаго. — Леово. — Переправа черезъ Прутъ, у Фальчи. — Эпурени. — Бырладъ. — Текучъ. — Видъ страны и горные кряжи Карпатовъ. — Фокшаны.—Рымникъ.—Бузео.—Мезиль.—Плоэшты.—Дружины болгарскихъ добровольцевъ. — Смотръ полка Великимъ Княземъ, Главнокомандующимъ.—Переходъ къ Бухаресту.—Стоянки въ Драгомирешти и Вуку. — Движеніе полка къ Дунаю. — Видъ мѣстности и характеръ жителей. — Рушс-де-Веде. — Ночной переходъ къ деревни Сяки. — Приготовленіе къ переправѣ черезъ Дунай. — Стоянка въ Сякахъ. — Переходъ полка къ Зимницѣ. — Видъ мѣстности въ придунайской равнинѣ. — Зимница. — Полковой праздникъ.

Послѣ дневки, мы, 28-го апрѣля, двинулись дальше, къ румынскому городку Леово. Утро было солнечное,

теплое, и, пройдя около 2-хъ верстъ, мы очутились на границѣ. На пограничной чертѣ встрѣтили румынскаго солдата, удивившаго насъ своимъ своеобразнымъ костюмомъ и далеко невоинственною наружностью. Румынскій солдатъ-доробанецъ, былъ одѣтъ въ синевато-сѣрую шинель, покроемъ похожую на нашу, съ голубыми погонами и клапанами на воротникѣ; на немъ были холстинные шаровары; ноги обуты въ кожанные башмаки, совершенно такіе же, какъ у насъ малороссійскіе постолы; на головѣ высокая барашковая шапка, верхъ которой шире, чѣмъ тулья, и сбитъ на правую сторону; съ лѣваго бока шапки было воткнуто перо, похожее на павлиновое, или цапли; въ рукахъ у него было гладкоствольное ружье, которое онъ держалъ крайне неловко. Не утерпѣли наши солдатики, чтобы не подтрунить надъ румыномъ:

— Медвѣдя, братцы, поймали! — шутили солдатики.—Ишь, ты,— солдатъ, а безъ сапоговъ; должно быть, пропилъ!...

Пройдя границу, сняли шапки, перекрестились; заиграла музыка и раздались пѣсни.

— Ну, вотъ, господа, мы и границу перешли!— сказалъ кто-то изъ офицеровъ.

Эти, повидимому, простыя, малозначущія слова, заставили многихъ крѣпко призадуматься. Да она и понятна и естественна, эта крѣпкая дума! Вѣдь многіе изъ насъ оставили семью и родныхъ; а придется-ли ихъ вновь увидѣть! Далеко, далеко позади осталось все, что близко и дорого сердцу, а впереди—неизвѣстное будущее!

Только солдатики отводили свою душу, вспоминая въ пѣснѣ:

«Ты Россія, ты Россія,
Мать — Россійская земля!»

Перейдя границу, мы шли сначала по волнообразной мѣстности, прорѣзанной небольшими балками, а затѣмъ, передъ нами открылась обширная равнина. Широко раскинулась кругомъ насъ равнина эта, сливаясь вдали съ горизонтомъ. Впереди виднѣлась синеватая лента рѣки Прута, широко разлившаяся отъ весенняго половодья. За Прутомъ виднѣлись горы, которыя, поднимаясь одна надъ другой, терялись въ голубоватой дали.

Такъ вотъ она, эта знаменитая степь! То поле широкое, русской кровью политое, костями бѣлыми усѣянное. Не даромъ сложилась на Руси пѣсня и которую солдаты такъ часто поютъ:

«Ахъ, ты, поле, мое поле,
Поле чистое, турецкое!...»

Въ головѣ невольно роились мысли... въ воображеніи рисовались, одна за другой, картины далскаго, славнаго прошлаго... Вотъ, гудитъ и стонетъ поле подъ копытами лошадей многотысячной толпы. Краснѣютъ верхи высокихъ, черныхъ, барашковыхъ шапокъ; развѣваются откидные рукава цвѣтныхъ жупановъ; блеститъ оружіе, звенятъ сабли и вѣютъ по вѣтру бунчуки... Виднѣются усатыя, загорѣлыя лица, съ длинными чубами-оселедцами, заложенными за ухо. Чу!... слышенъ крикъ:

«Ой, сичь мати, а великій лугъ, батько!...»

Кто же это?...—То рыцари-запорожцы, оплотъ русскаго народа, Вѣры Православной, отъ ляховъ, татаръ и турокъ...

А вотъ, слышится грохотъ барабановъ, звуки музыки и пѣсня:

«Знаютъ турки насъ и шведы,
И про насъ извѣстенъ свѣтъ...»

Движутся полки за полками въ зеленыхъ кафтанахъ, въ низкихъ, треугольныхъ шляпахъ, въ штиблетахъ и башмакахъ, съ мушкетами и копьями на плечахъ. Впереди идетъ высокая, мужественная фигура, въ старомъ, потертомъ, зеленомъ кафтанѣ и въ высокихъ, порыжѣлыхъ, ботфортахъ; это первый «бомбардиръ» русской арміи, Петръ Михайловъ, Императоръ Россійскій, возвращающійся изъ турецкаго похода, изъ подъ Прута...

...Опять гремятъ барабаны, опять слышна музыка; снова идутъ полки за полками въ зеленыхъ кафтанахъ, въ красныхъ камзолахъ, въ треугольныхъ шляпахъ и каскахъ, подъ жгучими лучами солнца, въ облакахъ пыли!... Вотъ, маленькая, худенькая фигурка, въ солдатской курткѣ и каскѣ, на казачьей лошадкѣ. «Здорово, чудо-богатыри!—говоритъ фигурка, обращаясь къ войскамъ; — впередъ за Матушку *), за Русь, за Вѣру Православную!» И отъ этихъ магическихъ словъ, громче забили барабаны, сильнѣе заиграла музыка, веселѣе раздались солдатскія пѣсни! Кто же этотъ чародѣй, умѣющій однимъ словомъ одушевлять массы, давать имъ новую силу для преодолѣнія зноя, жажды и усталости? — Это непобѣдимый вождь русскихъ войскъ, — это Суворовъ!...

---

*) Императрицу Екатерину II-ю.

Вотъ, мы подошли къ самой долинѣ, по которой течетъ Прутъ; почти вся она была покрыта водой, затопившей сады и рощи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣлись только верхушки деревьевъ, вѣтви которыхъ были живописно раскиданы на поверхности воды. На берегу Прута расположился небольшой городокъ Леово; за рѣкой разбросаны небольшіе хутора, избушки которыхъ ютились по скатамъ горъ, утопая въ зелени садовъ. Не доходя города, на скатѣ возвышенности, расположилась 9-я пѣхотная дивизія, задержанная переправой; нѣсколько далѣе стояла и наша 2-я бригада. Пройдя мѣсто стоянки 2-й бригады, мы расположились бивуакомъ на лугу, недалеко отъ рѣки. Когда мы кончили устраиваться, солнце уже спряталось за горы, окрасивъ небо яркимъ, пурпуровымъ заревомъ заката. Отъ рѣки потянуло свѣжестью, наступили тихія весеннія сумерки... Солдатики, взявъ котелки, отправились къ кухнямъ на ужинъ... Протрещали барабаны «зарю», солдатики, пропѣвъ хоромъ молитву, собрались потомъ поротно въ кружки и затянули свои любимыя пѣсни. Мало-по-малу, бивуачный шумъ началъ стихать и наконецъ, совсѣмъ смолкъ; только вдоль рядовъ бѣлыхъ, низенькихъ палатокъ, да ружей, составленныхъ въ козлы, двигались темныя фигуры дневальныхъ, нарушая иногда ночную тишину вызовомъ новой смѣны

На другой день послѣ прихода, нашъ бивуакъ объѣзжалъ начальникъ дивизіи, генералъ – лейтенантъ Шильдеръ–Шульднеръ и между прочимъ передалъ намъ нѣкоторыя измѣненія въ строевомъ уставѣ, а именно: что рота раздѣляется на двѣ полуроты и четыре взвода,

взамѣнъ прежняго дѣленія на взводы и полувзводы. Носились слухи, что наша бригада простоитъ у Леово дня три. Городокъ этотъ оказался маленькій; дороговизна и цѣны на все стояли страшныя; къ тому же и курсъ нашихъ бумажныхъ денегъ стоялъ довольно низкій, всего $2^1/_2$ франка за бумажный рубль; солдатики особенно были озадачены этимъ явленіемъ и сначала приписывали это надувательству румынъ.

Утромъ, 2-го мая, мы выступили къ переправѣ чрезъ рѣку Прутъ, у мѣстечка Фальчи. Дорога пролегала, то—по зеленѣющей, покрытой растительностью, долинѣ Прута, то—подымалась на голую, пустынную возвышенность. Переправиться намъ въ этотъ день не удалось, такъ какъ, шедшая впереди насъ, 2-я бригада была задержана непролазной грязью луговой дороги, гатями и мостами. Полкъ расположился бивуакомъ на пустынномъ и голомъ скатѣ возвышенности, отлого спускавшемся къ долинѣ Прута. Впереди насъ, въ разстояніи около 4-хъ верстъ, за рѣкой виднѣлось большое мѣстечко, Фальчи. Хотя вода уже значительно спала, но на лугу грязь и топь стояли страшныя; дорога представлялась грязною канавою, глубина которой, мѣстами, доходила до брюха лошади. Чрезъ Прутъ былъ переброшенъ пловучій, широкій и крѣпкій мостъ, постройка котораго, говорили, стоила казнѣ до 60-ти тысячъ рублей.

3-го мая, утромъ, мы совершили свою переправу черезъ Прутъ, или, вѣрнѣе сказать, черезъ долину Прута. Вслѣдствіе болотной топи и глубокихъ лужъ, солдаты поснимали съ себя сапоги и шаровары, и въ этомъ костюмѣ, подсмѣиваясь другъ надъ другомъ, плелись

по сплошному болоту, тянувшемуся около 3-хъ верстъ, до самаго моста, гдѣ, омывъ свои ноги отъ грязи и тины, одѣлись, и съ пѣснями и музыкой прошли черезъ Фальчи. Особенно досталось во время переправы 2-му баталіону, бывшему въ арріергардѣ; солдатикамъ пришлось на своихъ плечахъ тянуть, словно барки, обозныя фуры, болѣе плывшія по жидкой грязи, чѣмъ катившіяся на колесахъ. Пройдя Фальчи, мы расположились бивуакомъ на равнинѣ, по обѣимъ сторонамъ дороги. Вскорѣ къ намъ присоединился подвижной лазаретъ 5-й пѣхотной дивизіи, расположась сзади полка. Фальчи—это большое торговое мѣстечко, съ пристанью для барокъ, съ порядочными магазинами, лавками, гостинницами, ресторанами и проч.

Еще въ Леово, солдаты замѣнили мундиры гимнастическими рубахами, а шапки обтянули бѣлыми чахлами; кромѣ того, во время сильной жары, приказано было пристегивать холщевые назатыльники, для предохраненія шеи и ушей отъ жгучихъ солнечныхъ лучей.

На слѣдующій день, мы прибыли на дневку въ село Эпурени и расположились бивуакомъ на скатѣ большой возвышенности. Внизу передъ нами тянулась долина, за ней подымались высокія горы, вершины которыхъ были покрыты густымъ лѣсомъ, а на скатахъ зеленѣли сады и виноградники. Въ долинѣ, передъ нашимъ бивуакомъ, былъ винокуренный заводъ; немного дальше, вправо села Эпурени, — имѣніе бывшаго румынскаго министра финансовъ; въ Эпуреняхъ былъ прекрасный домъ, меблированный, съ большимъ тѣнистымъ садомъ; въ этомъ домѣ была отведена квартира бригадному командиру.

На другой день, около полудня, разразилась гроза съ проливнымъ дождемъ и сильнымъ вѣтромъ, посрывавшимъ у многихъ палатки; но едва только пронеслись тучи, выглянуло солнышко, нашъ бивуакъ снова огласился пѣснями и шутками. Вечеромъ, по просьбѣ племянницы министра, находившейся въ это время въ Эпуреняхъ, въ саду играла музыка; на гулянье были приглашены офицеры, но вслѣдствіе грязи и завтрашняго ранняго выступленія, большинство предпочло остаться на бивуакѣ, куда отчетливо доносились звуки музыки.

Изъ Эпуреней мы выступили въ 4 часа утра и направились къ городу Бырладу. Утро было пасмурное; большія, темно-сѣрыя тучи тяжело стлались по вершинамъ горъ, закрывая ихъ, какъ шапкой. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулась густая лѣсная чаща орѣшника и другой растительности, оглашаемая щебетаньемъ птицъ. Душистый ароматъ цвѣтовъ и прочей зелени наполнялъ воздухъ и какъ-то оживляюще дѣйствовалъ на насъ. По выходѣ изъ лѣса, дорога пролегала по болѣе ровной мѣстности, усѣянной небольшими песчаными холмами и прорѣзанной оврагами. Вскорѣ началъ накрапывать дождикъ, превратившійся вслѣдъ затѣмъ въ сильный, хотя и непродолжительный, ливень, измочившій насъ, какъ говорится, до костей; продрогшіе отъ холода и сырости, солдаты быстро двигались впередъ. По пути мы прошли двѣ деревеньки, одна изъ нихъ — Птени, небольшая слободка, на полдорогѣ отъ Эпуреней, а другая—Зорлени, почти подъ самымъ Бырладомъ.

При въѣздѣ въ городъ, для почетной встрѣчи на-

шего отряда, выстроилась мѣстная милиція, около 80-ти человѣкъ, въ развернутомъ фронтѣ, безъ ружей; здѣсь также находился и полицейскій комиссаръ.

Полкъ вступилъ въ городъ съ музыкой и пѣснями; почти всѣ улицы, по пути слѣдованія, были запружены румынами, вышедшими посмотрѣть на русскія войска; особенно удивлялись румыны барабанщику 2-й роты, который, послѣ такого утомительнаго перехода, идя впереди роты, подъ пѣсни отплясывалъ въ присядку.

Пройдя городъ, мы должны были расположиться бивуакомъ; но румынскія власти, по случаю дурной погоды, отвели полку квартиры; придя на мѣсто бивуака, люди пообѣдали и затѣмъ мы разошлись по отведеннымъ намъ квартирамъ, хозяева которыхъ довольно любезно насъ встрѣтили и старались доставить удобства, какія могли. Бырладъ довольно порядочный и, какъ видно, промышленный городокъ, но цѣны въ лавкахъ на все стояли ужасно дорогія.

Ночью, въ городѣ, по неизвѣстно какой причинѣ, произошелъ пожаръ, переполошившій какъ жителей, такъ и насъ. Пожарная команда оказалась довольно неисправною и только благодаря помощи нашихъ солдатъ, пожаръ былъ скоро потушенъ и не принялъ большаго размѣра.

Изъ Бырлада мы выступили около 8-ми часовъ утра. Было сыро и холодно; моросилъ мелкій дождикъ, затѣмъ онъ усилился и мочилъ насъ почти всю дорогу. Тяжело шлепали мы по страшно грязной, избитой глубокими колесами, дорогѣ. По лѣвую сторону нашего пути, по совершенно ровной мѣстности, пролегало полотно желѣзной дороги, почти не имѣвшее ни выемокъ, ни

насыпей. Пройдя около 18-ти верстъ, мы расположились бивуакомъ на возвышенности, недалеко отъ желѣзно-дорожной станціи Ліешти, а на утро направились въ городъ Текучъ, гдѣ намъ была назначена дневка.

Съ утра погода стояла пасмурная, сырая; по временамъ шелъ дождь; но затѣмъ вѣтеръ разогналъ тучи, выглянуло солнышко и мы легко и быстро двигались впередъ по отличному шоссе.

Вокругъ насъ разстилалась обширная равнина, покрытая хорошо обработанными пашнями, роскошною растительностью, рощицами и садами, сквозь зеленую чащу которыхъ весело выглядывали бѣлые домики, съ красными черепичными крышами. Вправо, въ отдаленіи отъ насъ, тянулись горные кряжи Карпатовъ, вершины которыхъ, покрытыя лѣсомъ и подернутыя легкой синевою, грядами поднимались одна надъ другой. По скатамъ горъ, среди виноградниковъ, разбросаны были деревеньки, съ высокими остроконечными колокольнями. Вездѣ на окрестныхъ поляхъ кипѣла работа и былъ видѣнъ трудящійся людъ. Крестьяне, въ черныхъ широкополыхъ шляпахъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, подпоясанные красными поясами, шагали за плугомъ, запряженнымъ въ нѣсколько паръ воловъ. По дорогѣ весьма часто попадались корчмы, большею частію каменныя, крытыя черепицей, или гонтомъ и довольно чисто содержимыя; въ корчмѣ можно было достать мѣстнаго вина, ракіи *) и бринзы **).

---

*) Водка изъ виноградныхъ выжимокъ, или кукурузы.

**) Овечьи сыры, въ видѣ творога.

При входѣ въ Текучъ, насъ встрѣтилъ полицейскій чиновникъ, а затѣмъ выѣхалъ въ экипажѣ и префектъ города. По случаю сырой погоды, роты были разведены по квартирамъ. Въ Текучѣ, изъ телеграммы мы узнали, что 29-го апрѣля, возлѣ Браилова, поручикъ Самойло, удачнымъ выстрѣломъ, взорвалъ турецкій броненосецъ; его фотографическая карточка была выставлена во всѣхъ ресторанахъ.

На другой день, на городской площади, играла наша музыка, слушать которую собралось много народа.

Изъ Текуча мы сдѣлали переходъ въ Фокшаны. Между этими городами пролегало отличное шоссе и считалось 28 верстъ *); но такъ какъ на шоссе, разливомъ рѣки Серета, былъ совершенно испорченъ мостъ, то мы вынуждены были свернуть вправо, къ деревнѣ Маронешти и идти по грунтовой дорогѣ, и вмѣсто 28-ми, сдѣлать 41 версту. Для облегченія людей, ранцы и сухари везлись на нанятыхъ подводахъ. Пройдя Маронешти, мы переправились по двумъ желѣзнымъ, довольно легкой, воздушной постройки, мостамъ, чрезъ широко разлившійся Серетъ, быстро катившій свои, мутно-желтыя волны. Мосты были настолько испорчены, что, не смотря на то, что пѣхота проходила рядами, а артиллерія по одному орудію, они замѣтно качались изъ стороны въ сторону. Перейдя Серетъ, мы свернули на шоссе, по которому уже и продолжали движеніе до самыхъ Фокшанъ. Кругомъ насъ разстилалась все та же равнина, тянувшаяся отъ самаго Бырлада, только при-

---

*) Въ Румыніи разстояніе пути измѣряется, большею частью, не мѣрою длины, а временемъ, — часами.

рода ея сдѣлалась роскошнѣе и разнообразнѣе. Здѣсь встрѣчались большія стада овецъ и рогатаго скота, подъ надзоромъ пастуховъ, одѣтыхъ въ черныхъ широкополыхъ шляпахъ, кожаныхъ лаптяхъ и бѣлыхъ суконныхъ, безъ рукавовъ, плащахъ, покроемъ похожихъ на кавказскую бурку.

Почти въ сумерки подошли мы къ Фокшанамъ. Передъ самымъ городомъ, по обѣ стороны дороги, были разбросаны курганы, при взглядѣ на которые, невольно вспоминалась блестящая побѣда Суворова надъ турками въ 1789 году.

Пройдя черезъ городъ, мы расположились бивуакомъ на городскомъ выгонѣ. Почти отъ ежедневныхъ дождей, на лугу стояли лужи, вездѣ было мокро и сыро. Пока разбили палатки, сумерки смѣнились ночью; люди, взявъ котелки, пошли къ ротнымъ котламъ на ужинъ.

10-е мая было первымъ днемъ провозглашенія независимости Румыніи, а также днемъ вступленія князя Карла на престолъ, вслѣдствіе чего городъ былъ иллюминованъ; дома убраны флагами; на городской площади играла довольно порядочная мѣстная музыка, а по улицамъ ходила съ факелами толпа народа, распѣвая національныя пѣсни. Фокшаны довольно большой, торговый городъ, съ княжескимъ дворцомъ. Улицы обстроены красивыми домами, большею частью окруженными садами; улицы хорошо вымощены и освѣщены.

Изъ Фокшанъ мы сдѣлали переходъ въ 18 верстъ до Тырго-Кукулуя, гдѣ расположился Архангелогородскій полкъ и штабъ 1-й бригады; нашъ же полкъ, не доходя одной версты, свернулъ вправо, въ деревушку

Драгословени. Деревушка эта расположена среди горъ, по склонамъ которыхъ тянулись сады и виноградники. Внизу лощины протекала небольшая рѣчка, съ мутною и негодною для употребленія, водою. Для варки пищи и питья воду брали изъ колодцевъ.

Утромъ мы выступили изъ Драгословени и, миновавъ Тырго-Кукулуй, небольшое мѣстечко, расположенное на скатѣ возвышенности, направились въ Рымникъ, гдѣ намъ назначена была дневка.

Пройдя 18 верстъ, мы вступили въ Рымникъ и расположились бивуакомъ на пустырѣ, на правомъ берегу рѣчки Рымника, мутная вода которой не годилась не только для питья, но даже и для варки пищи; воду намъ на бивуакъ привозили изъ городскаго водопровода. По внѣшности, Рымникъ, безъ всякаго сравненія, хуже Фокшанъ; мы всѣ очень сожалѣли, что дневка выпала намъ здѣсь, а не въ Фокшанахъ.

По случаю дневки, на городской площади должна была играть музыка и предполагалось устроить гулянье, но къ вечеру небо покрылось тучами, пошелъ дождь, лившій, не переставая, до полуночи. Рымникъ замѣчателенъ блистательною побѣдою Суворова надъ турками въ 1789 году, а также трагическою судьбою сына Суворова, бывшаго уже генераломъ и командовавшаго отрядомъ нашихъ войскъ, расположенныхъ въ Молдавіи, по случаю войны съ турками въ 1811 году. Переѣзжая въ бродъ черезъ разлившуюся отъ дождя рѣку Рымникъ, экипажъ его былъ опрокинутъ напоромъ волнъ, а самъ онъ утонулъ, 27-ми лѣтъ отъ роду.

Изъ Рымника мы перешли въ Бузео. Утро было сырое; мелкій дождикъ, моросившій сначала какъ изъ

сита, перешелъ въ ливень, мочившій насъ, съ небольшимъ перерывомъ, до конца перехода. Измокшіе и продрогшіе, солдаты безостановочно двигались впередъ, такъ что за все время перехода былъ сдѣланъ только одинъ привалъ, въ часъ съ небольшимъ. Въ Бузео насъ поставили по квартирамъ, что дало возможность отдохнуть въ сухомъ помѣщеніи и просушить платье.

Въ Мезиль мы пришли поздно вечеромъ, сдѣлавъ 32 версты по испорченному шоссе подъ непрерывнымъ дождемъ. Наше движеніе особенно замедляла артиллерія, шедшая между баталіонами и, то и дѣло, останавливавшаяся для какихъ-нибудь поправокъ. Вдоль нашего пути и почти параллельно пролегало полотно желѣзной дороги, шедшей изъ Браилова въ Бухарестъ. По дорогѣ постоянно двигались поѣзда, перевозившіе наши войска къ Бухаресту. Навьюченные наши солдатики, поливаемые дождемъ, утаптывая острый щебень разбитаго шоссе, съ завистью поглядывали на счастливчиковъ, катившихъ въ вагонахъ.

— Ишь ты, чортъ, шныряетъ!—ругали они возвращавшійся назадъ пустой поѣздъ. — Ранцы, видно, забылъ на станціи!

Дѣйствительно, не мало трудовъ и лишеній пришлось перенесть нашей дивизіи, прошедшей пѣшкомъ черезъ всю Румынію.

Придя въ Мезиль, мы стали бивуакомъ на городскомъ выгонѣ. Вездѣ сыро, грязно, и цыганскій потъ порядкомъ таки пробиралъ насъ въ теченіе ночи. Чтобы нѣсколько согрѣться, солдатики, разложивъ небольшіе костры, начали варить въ ранцевыхъ котелкахъ чай и обсушивать платье.

Въ Мезилѣ мы узнали, что нашими моряками, Дубасовымъ и Шестаковымъ, 13-го мая, взорванъ турецкій мониторъ.

Пройдя отъ Мезиля 18 верстъ, мы расположились бивуакомъ на возвышенности, возлѣ деревни Альбешти. Внизу возвышенности протекала широкая, но мелкая мутная рѣка. Замѣчательно, что во всѣхъ рѣкахъ Румыніи вода мутная и почти негодная для употребленія. Большею частію онѣ берутъ начало въ Карпатскихъ горахъ и въ сухое время года мелководны; но какъ только въ Карпатахъ начнутъ таять снѣга, или выпадутъ сильные дожди, тогда маленькія рѣченки превращаются въ грозные, широко разлившіеся потоки, бурливыя волны которыхъ разрушаютъ и сносятъ все на своемъ пути.

Здѣсь получилось извѣстіе, что въ Плоэшти нашъ отрядъ будетъ смотрѣть Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ, вслѣдствіе чего, на другой день, пользуясь дневкой, начались обыкновенныя приготовленія къ смотру.

17-го мая мы направились въ Плоэшти. По обѣ стороны шоссе, среди садовъ и виноградниковъ, были разбросаны деревушки и отдѣльные домики. Впереди, на возвышенности, блестя на солнцѣ, обитыми бѣлой жестью, куполами церквей, живописно потонувшими въ зелени садовъ, раскинулось Плоэшти. Все это, при великолѣпной и нежаркой погодѣ, стоявшей въ тотъ день, придавало окружавшей мѣстности чарующій видъ. Верстахъ въ двухъ отъ города, расположенъ былъ лагерь болгарскаго ополченія, состоявшаго въ то время изъ шести дружинъ пяти-ротнаго состава. Кадръ этихъ

дружинъ составляли русскіе офицеры, унтеръ-офицеры, барабанщики и сигналисты, назначенные отъ разныхъ частей арміи, въ томъ числѣ и отъ нашего полка было нѣсколько унтеръ-офицеровъ и барабанщиковъ; остальной составъ формировался изъ болгаръ-добровольцевъ. Когда мы проходили мимо ихъ лагеря, ополченцы были на ученьи, а частью на стрѣльбѣ. Одѣты они были въ черные, суконные, двубортные, съ отложными воротниками и красными погонами, мундиры; черные шаровары были заложены въ длинные сапоги, на головѣ—круглая, барашковая, съ зеленымъ верхомъ и мѣднымъ, осьмиконечнымъ крестомъ, шапка; аммуниція была нашего образца, но только вмѣсто ранцевъ носились холщевые мѣшки; вооружены они были ружьями Шаспо, со штыками-саблями.

Около 10-ти часовъ утра, мы уже были у городской заставы, но такъ какъ получено было приказаніе вступить въ городъ въ 2 часа дня, то полкъ расположился на привалѣ; имѣя такой продолжительный отдыхъ, люди успѣли привести въ порядокъ свою аммуницію и одежду. Въ назначенный часъ, съ музыкой и пѣснями, полкъ вступилъ въ городъ и направился по главной улицѣ, гдѣ находилась квартира Главнокомандующаго. Великій Князь стоялъ на балконѣ и, пропуская мимо себя, привѣтствовалъ каждую роту и поздравлялъ съ благополучно совершеннымъ походомъ, на что люди отвѣчали дружнымъ «ура».

Пройдя городъ, мы расположились бивуакомъ на пустырѣ, влѣво отъ шоссе въ Бухарестъ. Передъ вечеромъ я отправился въ городъ, чтобы послать домой письмо, а также сдѣлать кой-какія покупки; долго

мнѣ пришлось шагать по широко раскинувшемуся городу, пока добрался до центра. Почти большинство домовъ окружены тѣнистыми садами, крылечки убраны плющемъ, дикимъ вьющимся виноградомъ и цвѣточными горшками, что придавало домикамъ красивый и уютный видъ. Центръ города застроенъ красивыми домами; на площади и прилегавшимъ къ ней улицамъ было довольно большое, оживленное движеніе.

За Плоэштами окружающая мѣстность перешла въ низменную равнину, покрытую травою и засѣянными полями; на горизонтѣ, мѣстами, тянулись длинныя полосы лѣса. Горныя кряжи Карпатовъ, отдѣляясь все болѣе и болѣе къ западу, наконецъ исчезаютъ вдали, сливаясь съ горизонтомъ. День былъ жаркій; на дорогѣ стояла большая пыль, вслѣдствіе чего, мы съ большимъ удовольствіемъ расположились на привалѣ, въ густомъ, тѣнистомъ лѣсу.

По приходѣ на мѣсто ночлега, мы стали бивуакомъ недалеко отъ села Челпаны. Вблизи насъ протекала рѣка Ялошица, обрывистые берега которой густо поросли кустарникомъ.

20-го мая намъ нужно было сдѣлать переходъ въ 40 верстъ до Бухареста, а оттуда въ село Драгомирешти, вслѣдствіе чего мы выступили съ бивуака еще до разсвѣта, при полномъ сіяніи луны. Дорога пролегала по низменной равнинѣ, кое-гдѣ прорѣзанной неглубокими оврагами; по сторонамъ шоссе были разбросаны небольшіе лѣски и заросли шиповника. Въ началѣ перехода люди шли бодро, распѣвая пѣсни, но, отмахавъ верстъ 25, всѣ начали замѣтно уставать. Наступившая жара и духота, а также тяжесть снаря-

женія, сильно изнуряли солдатиковъ; отсталыхъ и больныхъ становилось все больше и больше; но, не смотря на это, полкъ шелъ впередъ и впередъ. Усталости и изнеможенію солдатъ много способствовало тяжелое и неудобное снаряженіе. Тяжелый ранецъ съ полною укладкою оттягивалъ плечи назадъ, надавливая грудь и плечи ремнями, а скатанная шинель, надѣтая черезъ плечо, поверхъ ранца, еще болѣе затрудняла движеніе; солдаты довольно часто надѣвали ее на шею въ видѣ хомута.

Наконецъ, отломавъ 40 верстъ, мы добрались до Бухареста, столицы Румыніи, и расположились на привалѣ въ виду городскаго предмѣстья; но переходъ нашъ не былъ конченъ: намъ предстояло еще удовольствіе сдѣлать прогулку около 15-ти верстъ, до села Драгомирешти и Вуку. Послѣ привала, съ музыкой и пѣснями мы вступили въ предмѣстье города, гдѣ насъ встрѣтилъ, верхомъ, румынскій офицеръ, въ сопровожденіи калараша *), назначенный для указанія пути по городскимъ улицамъ. Проходя, мы захватили только сѣверо-западную окраину Бухареста: сначала мы шли по широкому, прекрасному бульвару, густо обсаженному каштановыми деревьями и сиренью; по лѣвую сторону бульвара тянулся обширный, тѣнистый садъ, сквозь чугунную рѣшетку котораго видны были клумбы цвѣтовъ, широкія аллеи и фонтаны, высоко бьющія струи которыхъ каскадами падали въ бѣлые бассейны; бульваръ обставленъ высокими домами, довольно красивой архитектуры; на улицахъ—оживленное движеніе народа,

*) Конный солдатъ-милиціонеръ.

снующіе экипажи,—вообще, весь тотъ шумъ и суета, который такъ присущъ большому городу. На встрѣчу проходящему полку выѣхало и вышло много румынокъ, въ нарядныхъ и живописныхъ костюмахъ; онѣ предлагали намъ безплатно водки и вина. Солдатики гурьбою набрасывались на приношенія милосердныхъ женъ-самарянокъ, чтобы промочить и освѣжить свое горло, засохшее отъ зноя и пыли. Съ бульвара мы свернули вправо и зашагали изъ улицы въ улицу, покрытыя любопытствующимъ людомъ. По выходѣ за городъ, на полѣ былъ сдѣланъ привалъ, чтобы дать возможность подойти больнымъ и отсталымъ, число которыхъ доходило до нѣсколькихъ сотень. Солнце клонилось уже къ закату и вскорѣ совсѣмъ спряталось, оставивъ послѣ себя ярко-багровую полосу на небѣ. Короткія сумерки быстро смѣнились темною ночью, про которую говорятъ: «хоть глазъ выколи». Наконецъ, кое-какъ, къ 12-ти часамъ ночи, добрались мы до села Драгомирешти. Въ Драгомирешти остался штабъ полка, 2-й и 3-й баталіоны, а 1-му баталіону пришлось маршировать еще около 3-хъ верстъ дальше, до села Вуку, куда и дотянулись къ 2-мъ часамъ ночи, сдѣлавъ за весь переходъ 65 верстъ.

Вуку находится верстахъ въ пятнадцати отъ Бухареста и въ пяти отъ станціи желѣзной дороги и расположено на равнинѣ, при небольшой мутной рѣчкѣ. Почти всѣ постройки окружены фруктовыми и другихъ породъ деревьями, такъ что издали кажется, будто вся деревня раскинута въ обширномъ саду. Избы, большею частью, тѣсны и несовсѣмъ опрятны, вслѣдствіе чего, какъ офицеры, такъ и солдаты предпочли помѣ-

ститься въ палаткахъ, раскинутыхъ подъ деревьями, росшими возлѣ отведенныхъ квартиръ. Предположеніе, что мы простоимъ здѣсь болѣе недѣли, вполнѣ подтвердилось. Ежедневно, по утрамъ, у насъ производились строевыя занятія, а въ остальное время люди приводили въ порядокъ свое снаряженіе, одежду и починяли сильно износившуюся обувь.

Здѣшніе крестьяне живутъ довольно бѣдно; характеромъ лукавы и корыстолюбивы. Какъ-то разъ, приходитъ баба къ ротному командиру съ жалобой на солдата, стянувшаго ея курицу; дѣлать нечего, пришлось ротному заплатить за лакомку-солдата; узнавъ это, другая баба подняла дохлую курицу и пришла тоже съ жалобой, что солдатъ убилъ ея курицу; но на этотъ разъ дѣло не выгорѣло и она осталась ни съ чѣмъ.

Почти всѣ избы сдѣланы изъ хвороста и глины и крыты камышемъ, или черепицей; надворныхъ построекъ, большею частью, не имѣлось, и дворы не отдѣлялись огорожей. Иногда, на лужкахъ, передъ избами, на цѣпи бродили свиньи, для чего одинъ конецъ цѣпи привязывался къ ошейнику, а другой къ вбитому въ землю колу. Главный предметъ воздѣлыванія здѣсь — кукуруза, изъ муки которой пекутъ хлѣбъ и варятъ мамалыгу, похожу на крутую пшенную кашу. Хлѣбъ, испеченный изъ кукурузы, крайне невкусенъ, прѣсный и трудно переваривается въ желудкѣ. Изъ скота держатъ воловъ, буйволовъ и ословъ (мэгаровъ); лошадей же крестьяне имѣютъ мало, и то мелкой породы.

Въ это время мнѣ удалось побывать въ Бухарестѣ. Бухарестъ—довольно большой и красивый городъ; вдоль

широкой и прекрасно вымощенной улицы «Магошей», тянутся великолѣпные дома съ магазинами и ресторанами; на этой же улицѣ находится городской соборъ и княжескій дворецъ,—довольно простое зданіе, окрашенное темно-сѣрой краской и по внѣшности своей почти ничѣмъ не отличающееся отъ окружающихъ домовъ. Противъ дворца была гауптвахта, по платформѣ которой шагалъ часовой,—стрѣлокъ, одѣтый въ коричневый, двубортный мундиръ, съ зелеными обшлагами, погонами и воротникомъ; темно-сѣрыя шаровары заправлены въ сапоги; на головѣ черная, круглая шляпа, одно поле которой приподнято; надъ нимъ—маленькій помпончикъ, а съ другаго бока спускается пучекъ пѣтушьихъ перьевъ; вооруженъ онъ былъ ружьемъ Пибоди, со штыкомъ-саблей.

Самая богатая и самая красивая по своему внѣшнему виду, это—главная улица; но за то остальныя улицы узки, кривы и дурно вымощены; здѣсь хорошія дома чередуются съ бѣдными лачужками, богатый магазинъ съ бѣдною лавчонкою. Особенно хороши въ Бухарестѣ извощики; большая часть изъ нихъ русскіе выходцы, изъ секты скопцовъ, которыхъ въ Бухарестѣ находится цѣлая слобода; всѣ они живутъ очень зажиточно. Румынскіе офицеры носятъ парядные и щеголеватые мундиры; пѣхотные офицеры одѣты въ черныхъ, однообразныхъ мундирахъ, съ красными обшлагами и петличками на воротникѣ; на плечахъ — золотые жгутики, а рукава обшиты золотыми басонами, угломъ къ верху; панталоны темно-сѣрыя, съ краснымъ кантомъ, на выпускъ; на головѣ черная кэпи съ краснымъ околышемъ, съ большой трехъ-цвѣтной изъ

матеріи кокардою и донышкомъ, вычурно расшитымъ серебряннымъ басономъ. Чины различаются по золотымъ басонамъ, нашитымъ на рукавахъ мундировъ и тульѣ кэпи: у подпоручика—одинъ, поручика—два, капитана—три; штабъ-офицеры имѣютъ, кромѣ того, узкій галунъ на рукавахъ и тульѣ кэпи; вооружены узкими, прямыми саблями въ металлическихъ ножнахъ, на галунной портупеѣ; при парадной формѣ надѣваютъ на кэпи небольшой помпончикъ, шарфъ съ кистями и эполеты, въ родѣ нашихъ штабъ-офицерскихъ.

Вскорѣ получилось свѣдѣніе что 1-го іюня мы выступимъ въ гор. Руше-де-Веде, направляясь къ Никополю.

1-го іюня, почти еще до свѣта, мы выступили изъ Вуку въ Драгомирешти, откуда полкъ направился къ деревни Домнешти-де-Жосъ, гдѣ и присоединился къ остальнымъ частямъ своей дивизіи. Изъ Домнешти мы двинулись въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ въ составѣ 20-го пѣхотнаго Галицкаго полка, двухъ батарей и пяти сотенъ 34-го Донскаго полка; главныя силы въ составѣ трехъ полковъ пѣхоты, четырехъ батарей и полсотни казаковъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера. Въ арріергардѣ былъ 3-й баталіонъ Архангелогородскаго полка и полсотни казаковъ. Обозъ и подвижной лазаретъ слѣдовали за колонною главныхъ силъ. Придя на мѣсто ночлега, мы расположились бивакомъ возлѣ небольшой, но быстрой рѣчки Аржисъ, недалеко отъ деревни Присіечны.

2-го іюня мы поднялись почти въ три часа утра и двинулись дальше. Къ концу нашего перехода пошелъ проливной дождь, промочившій насъ, какъ говорится, до костей. Придя на мѣсто ночлега, мы распо-

ложились бивакомъ почти въ центрѣ широко раскинувшагося селенія Вадулата, на лугу, покрытомъ тѣнистыми деревьями. Передвиженіе большими отрядами представляетъ большія затрудненія. Безпрестанныя остановки, растягиванія частей очень изнуряютъ и утомляютъ людей; такъ напр. авангардъ выступилъ изъ Вадулата въ три часа утра, а арріергардъ почти въ десять, а между тѣмъ, весь отрядъ подняли на ноги въ одно время съ авангардомъ.

Изъ Вадулата мы сдѣлали переходъ въ Блажешти, а отсюда въ село Талпу, гдѣ намъ была назначена дневка. Это село было раскинуто по холмамъ среди зелени садовъ и огородовъ. Посрединѣ села тянулась широкая долина, раздѣлявшая деревню на двѣ, почти равныя, части. Долина, по которой текла небольшая рѣчка Клиница, вся была засѣяна огородными овощами, преимущественно лукомъ и кукурузой. По приходѣ въ Талпу, мы въ первый разъ начали ощущать недостатокъ хорошаго хлѣба, такъ какъ крестьяне пекутъ хлѣбъ изъ кукурузы безъ дрожжей и, безъ привычки, хлѣбъ этотъ нѣтъ возможности ѣсть.

6-го іюня мы пришли на ночлегъ въ село Чоланешти.

Еще отъ Бухареста мы начали замѣчать въ мѣстныхъ жителяхъ рѣзкую перемѣну отношеній къ намъ. Вмѣсто прежняго радушія и привѣтливости, въ этихъ мѣстахъ въ народѣ замѣтна была грубость, корыстолюбіе и даже наклонность къ воровству. Было много случаевъ, что хозяева умышленно прятали наши вещи, надѣясь, что утромъ, второпяхъ собираясь въ походъ, мы забудемъ ихъ на квартирѣ. Часто также они

приносили ложныя жалобы на солдатъ, обвиняя ихъ въ чемъ-нибудь, чтобы имѣть возможность содрать вознагражденіе.

Изъ Чоланешти мы сдѣлали переходъ въ Руше-де-Веде и расположились бивакомъ среди огородовъ и виноградниковъ. Сзади нашего бивака протекала рѣчка Веде; слѣва, около $1^1/_2$ версты, въ садахъ виднѣлось мѣстечко Руше-де-Веде, впереди пролегало шоссе, а еще дальше, на небольшой возвышенности расположены были: Архангелогородскій и Галицкій полки. Носились слухи, что мы простоимъ здѣсь нѣсколько дней, а потомъ пойдемъ къ городу Турну-Магурели.

Руше-де-Веде было переполнено солдатами и офицерами; по улицамъ и лавкамъ сновало множество людей, такъ что, глядя на это оживленіе, можно было подумать, что въ мѣстечкѣ ярмарка.

9-го іюня, около 12-ти часовъ дня, пришла 1-я бригада 33-й дивизіи и расположилась бивакомъ по ту сторону мѣстечка. Жара въ этотъ день стояла страшная, а между тѣмъ, полки шли почему-то въ шинеляхъ. На загорѣлыхъ, покрытыхъ потомъ и пылью, лицахъ, замѣтна была сильная усталость.

10-го іюня пришли шесть дружинъ болгарскаго ополченія, тѣ самыя, которыхъ мы видѣли въ Плоэшти.

Вечера стояли тихіе, теплые. Изъ глубокой синевы ночнаго неба ярко мигали миріады звѣздъ, своимъ волшебнымъ свѣтомъ. По временамъ слышны были рѣзкіе звуки музыки проходящихъ полковъ, игравшей извѣстный славянскій маршъ:

„Мы дружно на враговъ, на бой, друзья, спѣшимъ!...“

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА

При этихъ мотивахъ, какое-то томящее чувство невольно закрадывалось въ душу!... Да; мы спѣшимъ на враговъ, на бой, за славу родной земли, оставивъ далеко-далеко свои семьи, своихъ родныхъ, все, что близко и дорого сердцу!...

Какъ-то разъ, около полудня, поднялась буря; на нашъ бивакъ налетѣлъ шквалъ, который посрывалъ много палатокъ и унесъ много солдатскаго бѣлья, сушившагося на солнцѣ. Въ это время, сидѣлъ въ своей палаткѣ дѣлопроизводитель по хозяйственной части, подпоручикъ Москальцовъ, и занимался текущими дѣлами; вдругъ, сильнымъ порывомъ вѣтра, срываетъ палатку, и всѣ его бумаги изобразили собою множество пущенныхъ бумажныхъ змѣевъ.

У насъ, на бивакѣ, носились слухи, будто-бы, въ Руше-де-Веде, поймали турецкаго шпіона.

Одно, что сокрушало нашихъ солдатиковъ, во время похода по Румыніи, это—отсутствіе простаго табаку. Вслѣдствіе откупной системы, существующей здѣсь, цѣны на табакъ стояли очень высокія и были не по солдатскому карману; чтобы помочь горю, любители трубки ухитрились курить чай, примѣшивая къ нему, для остроты и крѣпости, стружки стараго чубука, пропитанныя гарью и копотью.

Изъ Руше-де-Веде мы перешли въ дер. Сальчу. Переходъ былъ, сравнительно, небольшой, но довольно утомительный. Полкъ подняли часа въ три утра, но выступили мы съ бивака только въ шесть. Пройдя мѣстечко, насъ остановили и мы еще болѣе часа ожидали прихода остальныхъ полковъ своей дивизіи. День былъ жаркій, тихій; съ безоблачнаго неба лились жгучіе лучи южнаго

солнца; только изрѣдка проносилось слабое дыханіе легкаго вѣтерка, живительно дѣйствовавшаго на усталый, плетущійся людъ; къ довершенію нашихъ невзгодъ, по пути оказалось только два колодца, съ мутною, испорченною водою. Пройдя около пятнадцати верстъ, мы расположились бивакомъ возлѣ дер. Сальчи. На этомъ переходѣ было много отсталыхъ и больныхъ.

Отъ Сальчи до Турна-Магурели считался одинъ переходъ, верстъ въ двадцать пять. По временамъ, на бивакѣ слышались отдаленные одиночные пушечные выстрѣлы, переходившіе иногда въ залпы; это наши батареи, устроенныя возлѣ Турна, обстрѣливали Никополь.

13-го іюня, передъ выступленіемъ съ бивака, мы узнали, что наша 5-я дивизія назначена въ первый огонь, на переправу чрезъ Дунай, возлѣ крѣпости Никополя.

Переправу предполагалось произвести ночью, на понтонахъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ разсвѣту быть на томъ берегу; въ роты были выданы печатныя инструкціи для посадки людей на понтоны.

Бригадный командиръ, генералъ Кнорринтъ, произнесъ нижнимъ чинамъ небольшую рѣчь, въ которой выразилъ важность возложеннаго на нихъ порученія и надежду, что они свято и вѣрно выполнятъ свой долгъ. Мы выступили съ бивака не особенно рано; день былъ солнечный, ясный; солнце начинало уже довольно сильно припекать; все предвѣщало сильную жару. Пройдя около 13-ти верстъ, мы спустились съ довольно высокой горы и вступили въ широкую долину деревни Драчи. Здѣсь полкъ остановили; приказано было разбить палатки и мы расположились на довольно продол-

жительный отдыхъ. Обѣдъ для людей почти былъ готовъ, такъ какъ артельныя и офицерскія повозки были отправлены впередъ, вмѣстѣ съ авангардомъ. Здѣсь мы узнали, что въ деревнѣ Драчѣ находится Великій Князь, Главнокомандующій, съ своей главной квартирой. Солнце клонилось къ закату. Въ ожиданіи подъема, палатки были сняты, вещи уложены въ телѣги; на бивакѣ не было слышно ни пѣсень, ни веселаго, громкаго разговора; въ одномъ мѣстѣ солдаты читали молитвенники, въ другомъ, сидя кучками, вели тихій разговоръ промежъ себя. Вѣроятно, имъ вспоминался тихій, лѣтній вечеръ въ ихъ родной деревнѣ, золотой крестъ на церкви, блестѣвшій подъ лучами заходящаго солнца, ихъ жены, дѣти, матери, сестры, ихъ избушки, зелень огородовъ и шумъ стадъ, возвращавшихся съ поля.

Около девяти часовъ, полкъ сталъ въ ружье, и затѣмъ, перекрестясь, мы двинулись впередъ. Великій Князь прислалъ передать полку свой поклонъ, пожелавъ полнаго успѣха и счастья. Когда мы выступили съ бивака, солнце уже скрылось за горы, окрасивъ ярко-краснымъ цвѣтомъ горы, деревню, долину. Пройдя долину, мы поднялись на гору и пошли по узкой проселочной дорогѣ, окаймленной по сторонамъ деревьями и зарослями кустарниковъ. Подулъ свѣжій вѣтерокъ, навѣвая ночную прохладу. Людямъ приказано было не курить и не разговаривать; всѣ шли въ полной тишинѣ, только нарѣдка нарушаемой бряцаньемъ сабель, да стукомъ сзади тянувшихся орудій. Между тѣмъ, западъ началъ покрываться темными, мрачными тучами, усилившійся вѣтеръ клочками разбрасывалъ ихъ

по небу и, налетая шквалами, шумѣлъ въ листьяхъ придорожныхъ деревьевъ; наконецъ, темень спустилась на землю... Пошелъ дождикъ; по временамъ, молнія зигзагами прорѣзывала тучи, озаряя все своимъ волшебнымъ фосфорическимъ свѣтомъ. При блескѣ молніи, виднѣлась длинная, темная линія идущаго люда, свѣтлыя полоски штыковъ и орудій, а кругомъ все пусто, дико. Все это, въ общемъ, имѣло какой-то сказочный, фантастическій видъ.

Закутавшись въ непромокаемое пальто и надвинувъ на голову капюшонъ, я ѣхалъ впереди баталіона. Въ головѣ роились мысли, смѣняясь одна другой. Вспомнилъ я свой домъ, свою семью, своихъ родныхъ: думаютъ-ли они обо мнѣ, знаютъ-ли гдѣ я теперь, куда я иду? Вотъ, я въ настоящее время живъ, тревожусь, волнуюсь, мечтаю, а черезъ нѣсколько часовъ, какая-нибудь шальная турецкая пуля успокоитъ меня вѣчнымъ сномъ; бросятъ меня въ глубокую яму, придавятъ другими трупами, а сверху насыпятъ холмъ высокій... Или, быть можетъ, граната въ дребезги разнесетъ понтонъ, а насъ всѣхъ зальютъ холодныя, бурливыя волны широкаго Дуная...

Наконецъ, дремота одолѣла меня...

...Вотъ, плыву я въ лодкѣ, по широко разлившейся рѣкѣ; мутныя, покрытыя бѣлой пѣной, волны грозно бьются о борты лодки, бросая ее изъ стороны въ сторону; но мнѣ нѣтъ дѣла до рева грозной рѣки, до бѣшенства волнъ, до опасности; я вижу только сквозь легкій туманъ противоположный берегъ, бѣлые очертанія церквей, домовъ... Несется бѣшено тройка, рѣзко звенитъ колокольчикъ; вотъ, уже близко сѣрень-

кій домикъ; вотъ, уже ворота, а возлѣ старушка-бабушка; стой ямщикъ! Соскакиваю...

Пробудившись, я вижу, что полкъ остановили для привала у какой-то деревушки, чтобы дать возможность немного отдохнуть людямъ, а также подтянуть отсталыхъ, крайне измученныхъ этимъ безконечнымъ ночнымъ походомъ. Чтобы нѣсколько разогнать напавшее сонливое состояніе, я слѣзъ съ лошади и пошелъ пѣшкомъ. Мы шли долго по чрезвычайно извилистой дорогѣ, принимавшей всевозможныя направленія, то на востокъ, то на западъ, то снова спускавшейся къ югу. Наконецъ, на востокѣ зардѣлась алая полоса неба и вскорѣ показались первые лучи восходящаго солнца. Сквозь легкую пелену утренняго тумана, впереди обрисовалась обширная долина, на ней узкая синеватая полоса воды, а дальше тянулся гористый, темно-лиловый, противоположный берегъ Дуная.

Вслѣдъ затѣмъ, мы спустились въ лощину и вступили въ деревню Сяки, сдѣлавъ, по крайней мѣрѣ, верстъ тридцать, тогда какъ по картѣ, отъ Драчи до Сяки значилось не болѣе 12-ти верстъ.

Переправа наша въ минувшую ночь не состоялась. Вскорѣ послѣ прихода на мѣсто бивака, намъ объявили, что переправа отложена до наступленія ночи. Въ ожиданіи наступленія такой важной въ жизни минуты, многіе изъ офицеровъ писали домой письма и ходили исповѣдываться къ нашему полковому священнику, И. Д. Кудрявцеву, оставляли у него деньги и другія цѣнныя вещи, для передачи роднымъ. Съ утра день былъ пасмурный, туманный, но около 12-ти часовъ дня туманъ и тучи разсѣялись; съ голубой синевы неба

полились яркіе лучи солнца и освѣтили окружающую мѣстность. Деревня Сяки, разбросанная по ложбинамъ и холмамъ, среди небольшихъ садовъ и густоросшихъ деревьевъ, состояла изъ низенькихъ мазанокъ и избушекъ, до половины углубленныхъ въ землю, крытыхъ камышемъ, или соломой, и только изрѣдка черепицей, и окопанныхъ кругомъ неглубокимъ, но довольно широкимъ рвомъ. Впереди деревни разстилалась обширная луговая равнина Дуная, покрытая, мѣстами, небольшими озерами и заливами и поросшая рощицами, густыми зарослями лозы и кустарниковъ; равнина эта, во время полноводья, покрывалась водой.

Около пяти верстъ отъ Сяки, голубоватой лентой извивался Дунай, а за нимъ высились желто-зеленые крутые обрывы противоположнаго берега. Дальше, вправо, среди зелени садовъ, виднѣлись бѣлыя палатки турецкаго лагеря; впереди и правѣе лагеря обрисовывались желтые бруствера батарей, а еще дальше, правѣе, въ ущельѣ и на низменномъ берегу Дуная расположенъ былъ Никополь, высокія башни минаретовъ и красныя черепичныя крыши котораго, были видны даже невооруженному глазу; за прибрежной частью города чернѣлись два монитора *). Напротивъ Никополя расположенъ былъ гор. Турно-Магурели, чуть-чуть примѣтный въ голубовато-туманной дали; около восьми верстъ отъ Сякъ, по дорогѣ къ Турну, лежала деревня

---

*) Оба монитора, сильно поврежденные нашими выстрѣлами, были втянуты въ устье р. Осмы. Послѣ взятія Никополя оказалось, что у одного изъ нихъ была сбита труба, а у другаго повреждена машина. Впослѣдствіи они получили названія: «Никополь» и «Систово».

Фламунда. Возлѣ Турна и Фламунды на берегу Дуная, были расположены наши батареи, громившія Никополь. Возлѣ Сяки былъ расположенъ весь 9-й армейскій корпусъ, за исключеніемъ 1-й бригады 31-й пѣхотной дивизіи, бывшей въ прикрытіи нашихъ батарей у Турна-Магурели и Фламунды.

Передъ вечеромъ, наши турнскія и фламундскія батареи открыли огонь по Никополю и окружавшимъ его укрѣпленіямъ; въ отвѣтъ, турки начали тоже обстрѣливать наши батареи и гулъ орудійной канонады продолжался до сумерекъ.

Въ ожиданіи переправы, приказано было повѣрить людей и быть всѣмъ на мѣстахъ, затѣмъ осмотрѣть оружіе и патроны. Большая часть офицеровъ, собравшись на одинъ изъ болѣе возвышенныхъ пунктовъ бивака, какъ-то напряженно разсматривали разстилавшуюся впереди долину, синѣвшій вдали Дунай и крутые скаты противуположнаго турецкаго берега. Начинало вечерѣть; солнце уже клонилось къ закату, бѣловатый туманъ легкою пеленою задергивалъ долину Дуная, но распоряженій къ выступленію никакихъ не получалось; эта неизвѣстность, какъ-то раздражающе дѣйствовала на нервы. Наконецъ, около 9-ти часовъ вечера, получено было приказаніе, что переправа отлагается впредь до особаго распоряженія.

Странна человѣческая натура: предстоявшая въ эту ночь опасность смерти отъ оружія непріятеля, или въ волнахъ Дуная, увѣчье, страданія, заставляла жутко сжиматься сердце, какъ-то невольно являлось желаніе отдалить эту роковую минуту; но когда получилось приказаніе, отмѣнявшее переправу, то вмѣсто удоволь-

ствія, у многихъ явилась досада, сожалѣніе о несостоявшемся боѣ.

Ночью, съ 14-го на 15-е іюня, раздалась вдругъ сильная трескотня ружейной перестрѣлки и гулъ орудійной канонады, продолжавшейся безъ перерыва чуть не до разсвѣта. Утромъ мы узнали причину этой ружейной и пушечной пальбы: наши плоты и понтоны, заготовленные для устройства моста, стояли въ устьѣ рѣки Ольты, впадающей въ Дунай въ нѣсколькихъ верстахъ западнѣе Турна-Магурели. Воспользовавшись темнотою ночи, понтоны, нѣсколькими партіями спускались внизъ по Дунаю, къ городу Зимницѣ; наконецъ, неясный шумъ и плескъ воды обратилъ вниманіе турецкихъ часовыхъ, Дунай тотчасъ же освѣтили ракетами и электрическимъ свѣтомъ и по проходящимъ плотамъ и понтонамъ турки открыли сильный ружейный и орудійный огонь; но, благодаря оплошности турокъ и огню нашихъ батарей, расположенныхъ у Турна и Фламунды, понтоны безъ потерь вышли изъ подъ турецкаго огня.

16-го іюня, съ самаго ранняго утра, поднялась перестрѣлка нашихъ батарей съ турецкими; вскорѣ наши батареи произвели въ Никополѣ сильный пожаръ. Вся прибрежная часть города покрылась тучами чернаго дыма, сквозь который прорѣзывались красные языки пламени, высоко поднимавшіеся къ небу. Орудійная канонада, съ небольшими перерывами, продолжалась до поздняго вечера.

Около полудня, корпусный командиръ генералъ-лейтенантъ Криденеръ, собравъ офицеровъ всѣхъ частей, находившихся въ Сякахъ, сообщилъ, что у

Галаца, въ ночь съ 9-го на 10-е іюня переправилась черезъ Дунай 1-я бригада 18-й пѣхотной дивизіи и съ боя взяла прибрежныя высоты, и что во время этого боя наша цѣпь была атакована черкесскою кавалеріею, но солдатики, давъ залпъ, не стали ожидать атаки стоя на мѣстѣ, а бросились въ штыки на черкесовъ и заставили ихъ отступить. Въ одной изъ схватокъ, звѣно нашей цѣпи съ двумя офицерами было отрѣзано непріятелемъ и захвачено въ плѣнъ. Взятыхъ въ плѣнъ, турки подвергли страшнымъ истязаніямъ. Въ заключеніе, корпусный командиръ далъ нѣсколько совѣтовъ и указаній на случай предстоящаго боя.

Наша жизнь на бивакѣ въ Сякахъ вошла въ свою обычную колею: по утрамъ и послѣ обѣда производились ротныя и баталіонныя ученья; вечеромъ играла полковая музыка.

На этихъ же дняхъ, у насъ появился слухъ, что у Зимницы, на понтонахъ, переправилась черезъ Дунай 14-я пѣхотная дивизія и съ боя заняла прибрежныя высоты и городъ Систовъ, потерявъ при этомъ убитыми и ранеными болѣе 800 человѣкъ; кромѣ того, во время переправы, потонулъ паромъ съ двумя горными орудіями, батарейнымъ командиромъ и двумя офицерами.

Незадолго до выступленія, я успѣлъ съѣздить въ Турно-Магурели *) находившійся въ двѣнадцати верстахъ отъ деревни Сяки. Турно довольно красивенькій, торговый городокъ, расположенный на равнинѣ, въ верстахъ трехъ-четырехъ отъ Дуная, съ пристанью ко-

*) Г. Турно получилъ придаточное названіе «Магурели» отъ деревни Магурели, прилегающей къ городу съ восточной стороны.

тораго соединенъ отличнымъ шоссе. Почти противъ Турна, по ущелью и берегу Дуная, раскинулся Никополь, опоясанный батареями и редутами. Изъ боязни бомбардировки, большая часть зажиточныхъ жителей выѣхала изъ Турна; но, благодаря наплыву нашихъ войскъ, торговля шла бойко и, пользуясь случаемъ, румыны драли съ насъ за все ужасныя цѣны.

Утромъ, 21-го іюня, мы выступили изъ Сякъ, направляясь къ гор. Зимницѣ, для переправы чрезъ Дунай, по устроенному уже понтонному мосту. Почти все время дорога тянулась вдоль большаго озера Сухоя. Жара и духота въ этотъ день стояли ужасныя. Почти на половинѣ дороги, около какой-то деревушки, былъ сдѣланъ привалъ. Деревушка была окружена виноградниками и абрикосовыми садами. Томимые жаждой и зноемъ, люди набросились на абрикосы и другіе плоды, такъ что начальству стоило не мало усилій отвратить ихъ отъ этого опаснаго лакомства. Съ привала двинулись дальше по дорогѣ, тянувшейся вдоль озера, мѣстами вдававшейся въ ложбины, въ родѣ ущелій, гдѣ мы задыхались отъ пыли, тучей стоявшей надъ дорогой, и зноя, доходившаго до духоты. Наконецъ, только къ вечеру, мы дотащились до деревни Сухоя, и, поднявшись по крутому спуску на возвышенное мѣсто, расположились бивакомъ. На ночлегѣ, въ полку оказалось очень много отсталыхъ; кромѣ того, нѣкоторые изъ солдатъ заболѣли рѣзью и болью живота, въ родѣ холерины, но, къ счастью, все кончилось благополучно и къ утру почти всѣ больные были на ногахъ; эта болѣзнь была слѣдствіемъ того, что солдаты ѣли на привалѣ незрѣлый виноградъ и абрикосы.

Изъ Сухоя мы сдѣлали переходъ къ Зимницѣ. Озеро Сухоя осталось отъ насъ вправо, а дорога потянулась по пустынной, безлѣсной, мало населенной степи, широко разстилавшейся кругомъ и сливавшейся вдали съ горизонтомъ. День былъ ясный, солнечный; жара стояла сильная. Около полудня, мы расположились на привалѣ въ степи, возлѣ одного одиноко стоявшаго высокаго кургана, съ котораго была хорошо видна вся окрестная равнина. При видѣ, съ этого кургана, широко разстилавшейся пустынной степи и волнующейся ковыль-травы, парящихъ въ высокой синевѣ неба степныхъ орловъ, какое-то особенное чувство закрадывалось въ душу и какъ-то невольно припоминались слова Кольцова:

„Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю черному
Понаддвинулась...“

Къ Зимницѣ мы подошли довольно поздно, когда начинало уже темнѣть, и расположились бивакомъ на обширномъ пустырѣ, покрытомъ навозомъ и усѣянномъ разными тряпками изъ солдатскаго обихода. На другой день, утромъ, полкъ передвинули нѣсколько впередъ; раскинувъ палатки, мы снова расположились на голомъ песчаномъ пустырѣ, на солнопекѣ, возлѣ узкаго, мелководнаго рукава Дуная, отдѣлявшагося отъ нашего бивака широкою, песчаною отмелью. Влѣво отъ насъ, на берегу рукава, стояла длинная, сѣрая, грязноватая казарма, гдѣ въ то время помѣщались плѣнные турки;

еще дальше, лѣвѣе, около двухъ верстъ отъ бивака, раскинулся дрянной городишко Зимница, съ весьма мизерными лавчонками, кабачками и страшною пылью.

Впереди бивака, вдоль узкаго рукава Дуная. далеко тянулась песчаная полоса земли, круто спускавшаяся къ рукаву; далѣе разстилалась болотистая долина, покрытая кое-гдѣ наносными песчаными полосами; по тотъ бокъ долины, въ иныхъ мѣстахъ чуть-чуть замѣтно синѣлъ Дунай, а за нимъ высились крутые, желто-зеленые обрывы гористаго турецкаго берега. Почти напротивъ Зимницы, на скатѣ горы, среди густой зелени, лѣпился Систовъ, высокіе, остроконечные минареты котораго отчетливо были видны съ нашего бивака.

Въ Зимницѣ находился Государь Императоръ, а также Главнокомандующій, съ главной квартирой. Возлѣ города стояло довольно значительное число войскъ всѣхъ родовъ оружія, ожидавшихъ своей очереди переправы черезъ Дунай.

24-го іюня, въ день Рождества св. Іоанна Крестителя, мы отпраздновали свой полковой праздникъ. Послѣ молебна, священникъ о. Кудрявцевъ, сказалъ небольшую рѣчь, въ которой, напомнивъ о великомъ значеніи войны съ врагами Христовой Вѣры, призывалъ всѣхъ исполнить долгъ свой за своихъ братьевъ-единовѣрцевъ. По всегдашнему обычаю, на общій счетъ былъ устроенъ завтракъ съ шампанскимъ и музыкой. На завтракѣ были: начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ, бригадный командиръ генералъ-маіоръ Кнорринтъ и командиръ 5-й артиллерійской бригады генералъ-маіоръ Похитоновъ. Завтракъ прошелъ тихо и даже вяло; не было той веселой суеты и того оживле-

нія, какія обыкновенно сопровождаютъ этотъ праздникъ на родинѣ; только подъ конецъ составился хоръ, и раздалась любимая и столь подходящая къ нашему положенію пѣсня:

„Ой у лузи, дай ще при дорози, червона калина...“

. . . . . .

Наконецъ, къ вечеру всѣ разошлись; на бивакѣ все успокоилось. Удушливый, знойный день смѣнили прохладныя сумерки, а затѣмъ наступила тихая, лунная ночь, облившая своимъ яркимъ, мягкимъ свѣтомъ уснувшій бивакъ, впереди тянувшуюся песчаную долину Дуная, бѣлые минареты Систова, горы...

Завтра утромъ мы должны переправиться чрезъ Дунай и вступить въ Болгарію...

IV.

Систово.—Первый переходъ въ Болгарію.—Ночлегъ на берегу лимана Дуная.—Переходъ къ Булгарени.—Движеніе къ Никополю.—Деревня Трестеникъ.—Ночной переходъ къ деревнѣ Мечкѣ.—Бивуакъ у Дебо.—Осмотръ дороги къ Никополю.—Погоня черкесовъ.—Рекогносцировка генерала Кнорринга.—Приготовленіе къ бою.

25-го іюня, около 11-ти часовъ утра, полкъ снялся съ бивуака и направился къ переправѣ. День былъ солнечный, знойный, душный, а пыль въ воздухѣ стояла страшная. Жара тѣмъ болѣе была еще чувствительна, что мы были въ мундирахъ. Пройдя городъ, мы спустились съ довольно крутаго, песчанаго обрыва, затѣмъ перешли по деревянному мосту чрезъ неширокій протокъ Дуная, протекавшаго вдоль обрыва Зимницкаго берега и вступили въ широко разстилавшуюся, песчано-золотистую и почти безъ всякой растительности, долину Дуная. Мѣстами, долина была изрѣзана лужами

и затопами, еще неуспѣвшими высохнуть послѣ весенняго разлива. Пройдя, наконецъ, около трехъ верстъ, мы очутились у мутно-желтыхъ, быстрыхъ водъ широкаго Дуная.

Ширина и величіе этой, знаменитой въ исторіи, рѣки скрадывается тѣмъ, что въ этомъ мѣстѣ она раздѣляется на два, неодинаковой ширины, рукава, охватывающихъ длинный островъ, поросшій высокимъ кустарникомъ. Чрезъ оба рукава Дуная былъ наведенъ понтонный мостъ. Устройство понтоннаго моста было слѣдующее: поперекъ рѣки, на якоряхъ, установлены понтоны *) на равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, на борты понтоновъ положены перекладины, а на нихъ наброшена изъ досокъ настилка, по бокамъ были укрѣплены стойки, сквозь дыры которыхъ протянуты канаты, замѣнявшіе перила. На носу каждаго понтона сидѣлъ солдатъ-понтонеръ.

Проходя мосты, верховые слѣзали съ лошадей и вели ихъ подъ уздцы, а роты переходили рядами, широко разомкнувъ ихъ. Пройдя лѣвый рукавъ, шириною около 150-ти саж., а затѣмъ островъ, мы снова перешли по мосту правый рукавъ, шириною около 450 саж., и вступили въ Турцію.

Теченіе Дуная очень быстрое и его мутно-желтыя волны съ шумомъ и плескомъ проносились подъ настилкой моста, слегка колебавшагося подъ тяжестью шедшихъ людей. Въ то время, какъ головныя роты 1-го баталіона проходили по мосту, къ мѣсту переправы подъѣхалъ Государь Императоръ въ сопровожде-

---

*) Понтоны—это деревянныя, или желѣзныя составныя лодки.

ніи Великихъ Князей, Главнокомандующаго и Владиміра Александровича. Обнявъ и поцѣловавъ Великихъ Князей и пожелавъ имъ полнаго успѣха, а затѣмъ простившись съ полкомъ, Государь возвратился въ Зимницу.

Перейдя Дунай, мы, по узкому, крутому подъему, начали подниматься на гору; почти на половинѣ горы мы расположились на привалѣ, по обѣ стороны дороги, въ тѣни деревьевъ и густаго виноградника. Здѣсь намъ нужно было ожидать присоединенія артиллеріи и обоза, задержанныхъ переправой.

На этомъ привалѣ нашъ полкъ обогналъ Главнокомандующій, въ сопровожденіи своего штаба и конвоя гвардейскихъ казаковъ. Великій Князь, видимо, былъ въ хорошемъ расположеніи духа; проѣзжая мимо насъ, онъ, улыбаясь, спросилъ: «что, жарко?» Послѣ проѣзда Великаго Князя, солдатики, разложивъ огоньки, начали кипятить себѣ чай, а нѣкоторые изъ офицеровъ отправились купаться въ Дунай. Спустясь съ высокаго, крутаго берега, мы, затѣмъ, погрузились въ мутныя, быстрыя волны Дуная.

Около 4-хъ часовъ пополудни, полкъ поднялся съ привала и пошелъ къ Систову. Въ иныхъ мѣстахъ, по сторонамъ дороги, валялись старыя солдатскія фуфайки, порванныя штаны, турецкія куртки и фески; вѣроятно, на этихъ мѣстахъ были биваки, какъ нашихъ, такъ и турецкихъ отрядовъ. Пройдя, затѣмъ, чрезъ небольшое ущелье, мы вышли къ Систову. У входа въ городъ, мы снова остановились, поджидая артиллерію и обозъ, прихода которыхъ прождали до самыхъ сумерекъ. Было уже совсѣмъ темно,

когда мы вступили въ Систово; намъ пришлось въ темнотѣ плутать по узкимъ, пустыннымъ и глухимъ улицамъ, съ отвратительной мостовой, которая походила на каменистое русло рѣчки, усѣянное разной величины камнями. Наконецъ, послѣ безпрестанныхъ остановокъ, мы расположились на улицѣ вдоль каменныхъ стѣнъ и заборовъ. Усталость, видимо, брала свое: люди спали лежа по обѣимъ сторонамъ улицы, а офицеры, сидя на камняхъ и опершись о стѣны домовъ, тоже дремали; вдругъ, гдѣ-то вблизи, темное, ночное небо освѣтилось яркимъ заревомъ; послышались крики: «пожаръ!» Положеніе наше, въ узкихъ, кривыхъ улицахъ, запруженныхъ обозомъ, было не совсѣмъ удобное. Вскорѣ, однако, пожаръ былъ потушенъ и вслѣдъ затѣмъ полкъ вывели обратно за городъ и расположили на ночлегъ бивакомъ на одномъ изъ турецкихъ кладбищъ, прилегающихъ къ городу. Людямъ приказано было составить ружья въ козлы и ложиться спать. Темень стояла страшная; на бивакѣ, подъ покровомъ легкаго тумана, все спало крѣпкимъ, богатырскимъ сномъ.

26-го іюня, около четырехъ часовъ утра, полкъ снялся съ бивуака и по вчерашнему пути вступилъ въ городъ. Систовъ представлялъ изъ себя печальный видъ: вдоль его кривыхъ, пустынныхъ улицъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ кабачковъ и мелкихъ лавченокъ, стояли запертые дома. Такъ какъ все турецкое населеніе города бѣжало, при появленіи русскихъ войскъ, бросивъ имущество на произволъ судьбы, то почти вся турецкая часть города была разграблена и опустошена: вездѣ поломанныя крыши, ворота, разбитыя окна, две-

ри, поломанная мебель, обрывки одежды и порванныя книги валялись на улицахъ. Пройдя по улицамъ, запруженнымъ обозомъ и солдатами разныхъ частей, мы, наконецъ, выбрались за городъ и, поднявшись на половину высокой, безконечно тянувшейся горы, расположились на привалѣ, возлѣ фонтана, съ прекрасной холодной водой. Здѣсь мы должны были ожидать своего обоза, застрявшаго въ систовскихъ трущобахъ. Люди, составивъ ружья и разложивъ огоньки, начали въ ранцевыхъ котелкахъ кипятить чай и варить кашицу, такъ какъ уже другіе сутки мы не ѣли горячей пищи. Около пяти часовъ пополудни подошелъ обозъ, а вслѣдъ затѣмъ мы поднялись съ привала, двинулись далѣе къ деревнѣ Орѣшѣ. По мѣрѣ того, какъ мы подымались на гору, окрестъ насъ открывалась величественная картина: прямо предъ нами, къ югу, мѣстность постепенно подымалась террасами и волнистыми кряжами и заканчивалась вдали лиловатой цѣпью Балкановъ, окутанныхъ голубымъ туманомъ. Въ иныхъ мѣстахъ склоны возвышенностей прорѣзывались глубокими оврагами, поросшими небольшими кустарниками; по дну овраговъ, мѣстами, журча, струились ручейки и ползали по травѣ зеленоватыя рѣчныя черепахи. Кругомъ зеленѣли виноградники и разныхъ породъ фруктовыя деревья и разстилались обширныя поля, покрытыя высокой кукурузой.

Позади насъ, внизу, по скату горы, небольшой кучкой лѣпился Систовъ. Дальше, широкой лентой синѣлъ Дунай, омывая своими водами высокія, красно-желтыя кручи турецкаго берега. По ту сторону Дуная, за голой песчано-болотистой долиной, бѣловатымъ пятномъ

виднѣлась Зимница; все это, при яркомъ свѣтѣ солнца и лазурной синевѣ неба, придавало мѣстности чарующій видъ. Солдатики, покряхтывая, шли да шли себѣ впередъ, распѣвая пѣсенки:

«На полу лежитъ перина,
На перинѣ — Катерина!..»

А на спинѣ пѣвуновъ была тяжелая ноша и шли они съ горы на гору, при сорока-градусной жарѣ іюньскаго дня.

Къ вечеру подошли къ деревнѣ Орѣшѣ, расположенной въ котловинѣ, среди зелени бѣлой акаціи, виноградниковъ и абрикосовыхъ деревьевъ. Въ деревнѣ расположенъ былъ штабъ 9-го корпуса, а за деревней, на скатѣ одной изъ горъ,—Костромской, а еще далѣе—Галицкій полки. Пройдя Орѣшъ, а затѣмъ, расположенный въ концѣ деревни, католическій монастырь, 3-й баталіонъ былъ оставленъ у раздѣленія дорогъ, шедшихъ въ Плевну и Никополь, а 1-й и 2-й баталіоны, свернувъ съ большой дороги вправо, начали подыматься на гору, направляясь къ сѣверу. Солнце скрылось за горы, окрасивъ небо и верхушки горъ ярко-багрянымъ свѣтомъ; вскорѣ быстро наступили сумерки, а затѣмъ ночь. Переваливъ на тотъ бокъ горы, мы расположились бивакомъ на скалѣ ея, возлѣ широкаго лимана Дуная, поросшаго кустарниками и высокимъ камышемъ. Здѣсь уже стоялъ бивакомъ Бугскій уланскій полкъ. Составивъ ружья и выставивъ часовыхъ и дневальныхъ, мы, не разбивая палатокъ, легли отдыхать прямо на мягкой, влажной травѣ, подъ открытымъ небомъ.

Стояла тихая лѣтняя ночь; синеватый туманъ легкимъ облакомъ началъ заволакивать засыпающій бивакъ, камышъ и кусты лимана. Сквозь легкую пелену тумана виднѣлся глубокій темно-синій сводъ неба, усыпанный миріадами звѣздъ, ярко горѣвшихъ своимъ мигающимъ, фосфорическимъ свѣтомъ. Тишина ночи нарушалась только иногда фырканьемъ уланскихъ лошадей, да трескучимъ крикомъ болотныхъ птицъ на лиманѣ.

27-го іюня, около четырехъ часовъ пополудни, 1-й баталіонъ снялся съ бивака и, пройдя версты три-четыре, присоединился къ 3-му баталіону, стоявшему по ту сторону горъ, въ широкой лощинѣ, по которой текла маленькая болотистая рѣченка, впадавшая въ лиманъ. Вечеромъ небо заволокло тучами и вскорѣ затѣмъ пошелъ дождь, лившій почти до самаго утра. Не смотря на двойныя полотнища, въ палаткѣ у насъ образовалась цѣлая лужа воды и грязи; протекавшія внутрь палатки, холодныя струи дождя заставили насъ просидѣть, съежившись, на чемоданахъ почти цѣлую ночь. На другой день, къ вечеру, къ намъ присоединился 2-й баталіонъ нашего полка, бывшій въ прикрытіи транспорта.

29-го іюня, Вологодскій и Архангелогородскій полки, съ двумя батареями 5-й и одной 31-й артиллерійскихъ бригадъ, почти съ разсвѣтомъ, снялись съ бивака по дорогѣ на деревню Бужурлукъ, двинулись къ деревнѣ Булгарени, имѣя въ головѣ походной колонны Вологодскій полкъ. По выходѣ изъ лощины, дорога шла по очень волнистой мѣстности; мы—то подымались на возвышенности, покрытыя зеленой кукурузой и желтыми пшеничными и ячменными полями, то—спускались внизъ

и двигались по далеко тянувшимся лощинамъ, на склонахъ которыхъ, довольно часто, встрѣчались водоемы холодной, родниковой воды, широкой струей лившейся изъ глиняной, или мѣдной трубы. Эти родники въ жаркомъ климатѣ составляютъ истинное благодѣяніе природы и жители тщательно оберегаютъ ихъ отъ разрушенія, обдѣлывая водоемы камнемъ.

Около 10-ти часовъ утра, мы пришли къ деревнѣ Булгарени и расположились бивакомъ на обширной долинѣ, по которой, въ обрывистыхъ берегахъ, протекала узкая, съ мутной водой, рѣка Осма. Здѣсь же бивуакировало нѣсколько сотенъ Кавказской казачьей бригады. Вскорѣ вслѣдъ за нами пришелъ подвижной лазаретъ 5-й дивизіи и расположился въ общемъ районѣ бивуака нашей бригады.

Булгарени—большое село, расположенное на лѣвомъ берегу Осмы; жители состоятъ изъ турокъ и болгаръ; недалеко отъ Булгарени находится католическій монастырь; нѣсколько толстыхъ, жирныхъ монаховъ, одѣтыхъ въ длинныя, коричневыя рясы, подпоясанныя шнуркомъ, похожимъ на веревку, и въ широкополыхъ, черныхъ шляпахъ, являлись почему-то къ генералу Кнорингу и потомъ командиру полка. Съ казачьяго бивуака изрѣдка доносился рѣзкій, гортанный говоръ осетинъ; важно разгуливали эти черномазыя фигуры, въ высокихъ, съ бѣлыми верхами, папахахъ, въ бѣлыхъ чекменяхъ, въ длинныхъ, черныхъ, съ нашитыми на груди газырями, черкескахъ, и съ аршинными на поясѣ кинжалами. Въ казачьемъ бивакѣ находилось нѣсколько плѣнныхъ турецкихъ солдатъ и грязныхъ оборванныхъ башибузуковъ; они сидѣли кучкой на землѣ, подъ над-

зоромъ осетина, высокаго бѣлокураго молодца, ходившаго возлѣ турокъ съ винтовкою на плечѣ.

Въ 4 часа пополудни, 1-я бригада снялась съ бивака и, имѣя въ головѣ колонны Вологодскій полкъ, перешла чрезъ Осму по высокому, горбатому, каменному мосту и затѣмъ по дорогѣ на Трестеникъ, направилась къ деревнѣ Мечкѣ *). На лѣвомъ берегу Осмы, недалеко отъ фонтана, стоялъ на привалѣ Костромской полкъ, пришедшій въ Булгарени, чтобы занять мѣсто нашего бивака. Сначала мы шли по шоссе, но вскорѣ свернули вправо, на проселочную дорогу, направляющуюся къ сѣверо-западу. Дорога все время пролегала въ широкой лощинѣ; по лѣвую сторону дороги тянулись не высокія возвышенности, а по правую разстилался широкій лугъ, по которому протекала небольшая рѣчка; дальше, вправо, за лугомъ, снова начинались не высокія, волнообразныя возвышенности. По пути, въ сторонѣ отъ дороги, встрѣчались небольшія деревушки, надъ красными черепичными и камышевыми

---

*) На бивакѣ у Булгарени, дежурнымъ по баталіону подпоручикомъ Грековымъ былъ замѣченъ какой-то господинъ, одѣтый въ штатское пальто и фуражку съ краснымъ околышемъ и кокардой, разгуливавшій между солдатами нашего полка и разспрашивавшій ихъ о матеріальномъ положеніи, настроеніи духа, куда идутъ и т. п. Заподозривъ его, Грековъ подошелъ къ нему и спросилъ его, что ему нужно знать отъ солдатъ и кто онъ такой. Неизвѣстный назвалъ себя дѣлопроизводителемъ одного изъ казачьихъ полковъ, догоняющимъ свою часть; но Грековъ ему не повѣрилъ, а задержавъ, представилъ командиру полка, а тотъ отправилъ къ бригадному командиру. Когда же, послѣ опроса, генералъ Кнорингъ приказалъ отослать его, подъ конвоемъ жандармовъ, въ корпусный штабъ, то мнимый дѣлопроизводитель сказалъ, что онъ офицеръ Генеральнаго Штаба, состоитъ при Главной Квартирѣ и посланъ для рекогносцировокъ и собиранія свѣдѣній о непріятелѣ и въ подтвержденіе своихъ словъ, показалъ надлежащіе документы.

крышами которыхъ подымалась тонкая, бѣлая колонна минарета съ остроконечнымъ верхомъ, увѣнчаннымъ темной, полукруглой вилочкой, изображавшей собою полумѣсяцъ — знакъ магометанства. Не доходя пятишести верстъ до Трестеника, возлѣ какой-то небольшой деревушки, къ бригадному командиру подъѣхали нѣсколько конныхъ болгаръ и заявили, что они бѣжали изъ Трестеника, гдѣ башибузуки рѣжутъ и грабятъ жителей. Желая провѣрить показаніе болгаръ, генералъ Кнорингъ послалъ туда шесть человѣкъ казаковъ, приказавъ хорошо осмотрѣть деревню.

Спустя нѣкоторое время, посланные казаки возвратились назадъ и доложили, что въ Трестеникѣ башибузуковъ нѣтъ и жители ничего о нихъ не слыхали.

Въ Трестеникъ мы пришли въ сумерки; пройдя деревню, мы двинулись дальше, къ Мечкѣ *). Было уже темно; сиреватый густой туманъ поднимался надъ

---

*) Около трехъ верстъ не доходя до Трестеника, бригадѣ былъ сдѣланъ привалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ людямъ приказано было надѣть шинели. Не ожидая подъема, бригадный командиръ взялъ съ собою жалонерныхъ офицеровъ и жалонеровъ бригады и въ сопровожденіи сотни казаковъ 34-го полка, отправился къ Мечкѣ, чтобы заблаговременно выбрать мѣсто для бивака.

Жалонерный офицеръ нашего полка, поручикъ Ляшенко разсказывалъ намъ потомъ слѣдующій случай при вступленіи ихъ въ Трестеникъ. По приходѣ въ деревню, генералъ Кнорингъ замѣтилъ возлѣ духана толпу болгаръ и среди ихъ сельскаго попа. Имѣя въ виду наступающую ночь, болгарамъ приказано было нарядить проводника къ Мечкѣ; болгары указали на своего попа, какъ самаго опытнаго и хорошо знающаго мѣстность; но попъ, услыша о своемъ назначеніи, въ ту же минуту скрылся. Видя, что попъ не является, генералъ прикрикнулъ на нихъ и приказалъ тотчасъ же назначить проводника; тогда часть болгаръ разбѣжалась по домамъ, но вскорѣ вслѣдъ затѣмъ возвратясь назадъ, принесли съ собою веревки, предполагая, что попа будутъ вѣшать. Всѣ невольно разсмѣялись и объяснили имъ, что генералу нужна не веревка, такъ какъ вѣшать никого не собираются, а нуженъ проводникъ. Наконецъ, верхомъ на ослѣ, явился попъ и повелъ отрядъ къ Мечкѣ.

землею, облаками застилая окружавшую мѣстность; вскорѣ наступила такая темнота, что едва можно было различить возлѣ шедшихъ солдатъ. Сначала дорога имѣла направленіе на сѣверъ, но потомъ она раздѣлялась и одна вѣтвь ея поворачивала на западъ; въ темнотѣ, не замѣтивъ поворота, полкъ продолжалъ двигаться впередъ.

Наконецъ, мы втянулись въ какую-то лощину, пройдя которую, уперлись въ небольшую рѣку; за рѣкой подымались высокія, крутыя горы. Недалеко стояла небольшая мельница, въ окнѣ которой блестѣлъ огонекъ.

Командиръ полка послалъ двухъ казаковъ на мельницу, приказавъ имъ привести хозяина. Придя къ мельницѣ, казаки нашли дверь запертой; на стукъ имъ никто не отвѣчалъ, но въ избушкѣ тотчасъ же погасъ огонекъ. Тогда одинъ изъ казаковъ взлѣзъ на камышевую крышу и, продравъ ее, спустился внутрь избушки; вслѣдъ за этимъ, тамъ послышался окликъ казака, крикъ и кудахтанье курей; наконецъ, на крышѣ снова появился казакъ и доложилъ, что на мельницѣ онъ никого не нашелъ, а хозяинъ, вѣроятно, убѣжалъ чрезъ заднюю дверь. Спустя нѣкоторое время, мы повернули назадъ и, пройдя около четырехъ верстъ, свернули, наконецъ, на дорогу, идущую въ Мечку. Тихо, молча двигались люди, натыкаясь въ темнотѣ другъ на друга. Вдали, съ правой стороны дороги, виднѣлось зарево пожаровъ, красно-желтыя пятна которыхъ рѣзко выдѣлялись на темномъ ночномъ небѣ. Долго пришлось намъ идти до ночлега; темнота ночи, казалось, еще болѣе удлиняла нашу дорогу: наконецъ, мы

спустились съ крутой горы, перешли по гати чрезъ какую-то рѣчку, затѣмъ поднялись на гору и, миновавъ сторожевые посты кавказской бригады, расположились на ночлегъ почти въ два часа ночи, сдѣлавъ около 25-ти верстъ перехода *).

Утромъ, 1-го іюля, людямъ былъ сваренъ завтракъ, а въ 10 часовъ мы уже стали въ ружье и, вслѣдъ за кавказскими сотнями, двинулись къ деревнѣ Дебо. Только что полкъ спустился съ высокой возвышенности и началъ втягиваться въ деревню Мечку, какъ впереди деревни послышалась трескотня ружейной перестрѣлки; вскорѣ мы узнали, что шедшіе впереди казаки открыли большую партію черкесовъ и, отбрасывая ихъ, завязали съ ними перестрѣлку. По приказанію начальника дивизіи, 3-й баталіонъ нашего полка былъ оставленъ возлѣ Мечки въ помощь казакамъ, остальные два баталіона продолжали дальнѣйшее движеніе **). Почти все время, дорога пролегала въ ложбинѣ, промежъ невысокихъ возвышенностей, пологіе скаты которыхъ были покрыты кукурузными и золотистыми ячменными и пшеничными полями. По полямъ были разбросаны отдѣльно

---

*) Разстоянія въ Болгаріи измѣряются часами, примѣрно около пяти верстъ въ часъ.

**) Послѣ присоединенія баталіона къ полку, штабсъ-капитанъ Дашкевичъ разсказалъ намъ слѣдующій эпизодъ: 3-й баталіонъ расположился возлѣ деревни на бивуакѣ, выставивъ, для своего охраненія, сторожевую цѣпь; передъ вечеромъ, въ деревнѣ послышался шумъ и крикъ; заинтересовавшись причиной этого шума, подпоручикъ Потаповъ, взявъ съ собой человѣкъ двухъ солдатъ, отправился въ деревню. Тамъ, возлѣ дерева, стояла толпа болгаръ, тормошa своего односельца-болгарина, обвиняя его въ шпіонствѣ туркамъ; на него уже надѣли петлю и думали вздернуть на дерево; благодаря вмѣшательству этого офицера, мнимый шпіонъ избѣжалъ кары.

растущія деревья. По пути прошли мимо какой-то небольшой деревушки, гдѣ, возлѣ колодца съ журавлемъ, въ большой грязной лужѣ, подобно свиньямъ, валялись буйволы, выставляя изъ грязи свои дикія, глупыя морды. Около полудня мы пришли къ деревнѣ Дебо и, свернувъ съ дороги влѣво, поднялись на высокую равнину, гдѣ, наконецъ, расположились на бивуакѣ.

Только что успѣлъ я слѣзть съ лошади, какъ потребовалъ меня командиръ полка и приказалъ ѣхать по дорогѣ къ Никополю и осмотрѣть—нѣтъ-ли препятствія для движенія обоза и есть-ли мосты на Осмѣ.

Сѣлъ я на лошадь, спустился съ возвышенности и поѣхалъ по направленію къ Никополю. Около полуверсты отъ бивуака, подъѣзжаю къ небольшой татарской деревушкѣ, гдѣ уже, шаря по дворамъ, хозяйничали донскіе казаки. При выѣздѣ изъ деревни, стоялъ постъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ казаковъ 34-го полка. Потребовавъ къ себѣ старшаго, я спросилъ его, знаетъ-ли онъ что-нибудь о впереди лежащей мѣстности, а также и о томъ, есть-ли мостъ на Осмѣ; но какъ онъ, такъ и остальные казаки отвѣтили, что дальше деревни не ѣздили и ничего не знаютъ.

— Не желаетъ-ли кто изъ васъ, ребята, ѣхать со мной впередъ?—спросилъ я.

Три казака вызвались охотниками, и сѣвъ на лошадей, отправились со мной. Дорога пролегала по широкой долинѣ; съ лѣвой стороны отъ насъ тянулись высокія волнообразныя возвышенности, прорѣзанныя глубокими, крутыми балками, устья которыхъ выходили въ долину; склоны возвышенностей были покрыты густою травой.

Съ правой стороны извивалась узкая Осма, съ крутыми, поросшими зеленымъ ивнякомъ и деревьями, берегами; за рѣкой высились горы, террасообразныя гряды которыхъ терялись въ синеватой дали. Сначала пролегала хорошая, грунтовая дорога, но верстахъ въ четырехъ отъ Дебо, съ лѣвой стороны, изъ глубокой балки, вышло шоссе съ телеграфными столбами и потянулось къ Никополю. Казаки хотѣли было обрубить телеграфную проволоку, но я, предполагая, что впереди стоятъ наши аванпосты, не позволилъ портить телеграфа. Спустя нѣкоторое время, одинъ изъ казаковъ, небольшаго роста, черноватый малый, съ длинными черными, вымазанными чѣмъ-то жирнымъ, волосами, началъ что-то часто наклоняться къ лукѣ сѣдла, пристально всматриваясь въ даль.

— Что ты такъ присматриваешься?—спросилъ я.

— Поглядите, ваше благородіе, вонъ, на горѣ аванпосты стоятъ! — говоритъ мнѣ казакъ, указывая на впереди лежащую гору.

Я началъ всматриваться и, дѣйствительно, начинаю разбирать, примѣрно около двухъ верстъ отъ насъ, конныя фигуры сторожевой цѣпи, издали очень похожія на торчащія колья; но полагая, что то посты кавказскихъ казаковъ, продолжаю ѣхать впередъ. Проѣхавъ около версты дальше, казакъ, указывая впередъ, говоритъ:

— Ваше благородіе, вонъ, по горѣ кавалерія идетъ!

Я, дѣйствительно, начинаю разбирать, что по скату возвышенности, рысью двигается отрядъ кавалеріи, примѣрно около эскадрона, и въ то же время, между постами сторожевой цѣпи стало замѣтно какое-то дви-

женіе. Наконецъ, окопанное по сторонамъ канавами, шоссе круто свернуло вправо и потянулось къ рѣкѣ. Недалеко отъ насъ, съ лѣвой стороны шоссе, была какая-то деревня, вся потонувшая въ зелени садовъ, а между тѣмъ, кругомъ было тихо и безлюдно.

Поручикъ Бачевскій.

Раненъ подъ Плевною 8-го іюля 1877 г.

— Что-то сумнительно, ваше благородіе, какъ бы не было засады!—говорили казаки.

Да и дѣйствительно, опасно было: мы слишкомъ далеко отъѣхали отъ отряда, да къ тому же, насъ было только четыре человѣка; почему я остановился у поворота дороги, не зная на что рѣшиться: ѣхать-ли дальше,

или же возвратиться назадъ, не узнавъ ничего о переправѣ черезъ Осму.

— Ваше благородіе, насъ обскакиваютъ! — закричалъ не своимъ голосомъ черноватый казакъ, указывая на гору.

Взглянувъ на его поблѣднѣвшее лицо и выпученные глаза, я понялъ, что дѣло плохо. Дѣйствительно, по горѣ, въ разсыпную, насъ обскакивало около полсотни черкесовъ, видимо, желавшимъ отрѣзать намъ путь отступленія.

— Ну, братцы, не выдавать другъ друга! А теперь — назадъ! — сказалъ я и на всякій случай вынулъ револьверъ.

Почти версты три-четыре мчались мы во весь духъ назадъ, не говоря ни слова.

Оглянувшись назадъ, я замѣтилъ, что у одного казака расковалась лошадь и онъ началъ замѣтно отставать; тогда, убавивъ ходъ лошади, я приказалъ остальнымъ казакамъ ѣхать тише; между тѣмъ, черкесы начали отставать, и наконецъ, только темной кучкой виднѣлись вдали. Въ это время, одинъ изъ казаковъ, въ воинственномъ азартѣ, выхватываетъ изъ-за спины винтовку, заряжаетъ и хочетъ стрѣлять.

— Нѣтъ, братецъ, теперь ужъ не зачѣмъ тратить патрона,—успокаиваю я «Гаврилыча»;—все равно, не попадешь.

Только благодаря тому, что мы скакали по прямой, ровной дорогѣ, а черкесы—по возвышенности, изрѣзанной глубокими балками, намъ удалось ускользнуть изъ рукъ непріятеля.

Вѣроятно, турки не стрѣляли въ насъ потому, что

думали захватить живыми, а главное, вѣрно не хотѣли обнаруживать своего расположенія.

Тяжелую минуту пережили мы тогда; но, слава Богу, опасность миновала и мы, весело разговаривая, пріѣхали въ Дебо.

По возвращеніи на бивуакъ, я явился командиру полка и доложилъ о случившемся со мною.

Наша бригада расположилась бивуакомъ на высокой, покрытой травою, равнинѣ. На правомъ флангѣ стояли Архангелогородцы, затѣмъ два баталіона Вологодцевъ; между баталіонами полковъ стояло четыре батареи артиллеріи. Передъ вечеромъ прибыли, съ отбитымъ турецкимъ обозомъ и двумя плѣнными, двѣ сотни кавказскихъ казаковъ и стали лѣвѣе нашего полка. Солдаты уже успѣли разбить свои низенькія палатки, вдоль фронта которыхъ темнѣли длинные ряды ружейныхъ козелъ.

Возлѣ офицерскихъ палатокъ шумѣли самоварчики, пуская синеватыя струйки дыма, медленно расходившагося въ тихомъ вечернемъ воздухѣ.

Впереди бивуака, по широкой долинѣ, извиваясь, текла рѣка Осма; берега рѣчки были покрыты густой зеленью ивоваго кустарника и, въ родѣ небольшихъ рощицъ, группами деревьевъ; по лѣвую сторону Осмы, среди зеленой листвы, ютилась небольшая деревушка Дебо. За рѣкой, волнистыми кряжами подымаясь вверхъ, тянулись высокія горы.

Возлѣ деревни, влѣво отъ дороги, на скатѣ возвышенности, расположился нашъ полковой обозъ, а немного дальше назадъ, на лугу—дивизіонный лазаретъ.

Въ сумерки, вступили на бивуакъ кавказскія сотни

съ конно-горною батареею. Казаки только что окончили упорный бой съ турецкою пѣхотою подъ селомъ Градешти. Начальникъ дивизіи, пропуская мимо себя казаковъ, благодарилъ каждую сотню. Закоптѣлые отъ пороховаго дыма, покрытые пылью, лихо, молодцами, ѣхали кавказцы; сзади сотень вели осиротѣлыхъ коней убитыхъ и раненыхъ казаковъ. Какъ-то жутко становилось при видѣ этой тихой, но мрачной, небольшой боевой картинки.

Утромъ, 2-го іюля, генералъ Кнорринтъ, вмѣстѣ съ полковыми и батарейными командирами, подъ прикрытіемъ сотни казаковъ Владикавказскаго полка, отправился на рекогносцировку турецкой позиціи на лѣвомъ берегу Осмы. Для съемки кроки осматриваемой мѣстности были назначены офицеры; отъ нашего полка былъ назначенъ поручикъ Давыдовъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда бригаднаго командира, группа офицеровъ собралась на гребнѣ возвышенности и въ раздумьи разсматривала тянувшуюся внизу долину Осмы, волнистыя горы противоположнаго берега и отдаленныя, окутанныя голубымъ туманомъ, грозныя высоты Никополя. Въ голову какъ-то невольно лѣзъ вопросъ: что будетъ завтра? Какъ бы угадывая общую мысль, штабсъ-капитанъ Чутъ, указывая по направленію къ Никополю, сказалъ:

— А вотъ, завтра, мы побьемъ шельмецовъ-турокъ!

Вдругъ, послышался гулъ орудійнаго выстрѣла, затѣмъ другой, третій. Вскорѣ объяснилось, что турки открыли огонь по нашему рекогносцирующему отряду. Вслѣдъ за тѣмъ получилось приказаніе: двумъ баталіонамъ Вологодскаго полка двинуться впередъ, для поддержки генерала Кнорринга.

Быстро построились Вологодцы и, перекрестясь, на легкѣ, въ однѣхъ гимнастическихъ рубахахъ и боевой аммуниціи, тронулись съ бивуака. Мы проходили, то— по хлѣбнымъ полямъ, то—по кукурузѣ, спускались въ глубокія балки и снова подымались. Утро было ясное, тихое; въ прозрачной синевѣ воздуха раздавалось веселое щебетанье птичекъ; кругомъ тянулись обширныя, какъ волны бушевавшаго моря, поля, испещренныя кое-гдѣ небольшими рощицами и отдѣльно стоящими деревьями. Люди бойкимъ, размашистымъ шагомъ, подвигались впередъ; на лицахъ не было замѣтно ни малѣйшаго смущенія; все это, въ общемъ, имѣло видъ маневра мирнаго времени. Итакъ, мы незамѣтно подвигались къ турецкой позиціи; наконецъ, въ то время, когда баталіоны, въ колоннѣ по отдѣленіямъ, длинной линіей тянулись по гребню возвышенности, у непріятеля показался клубъ бѣлаго дыма, и вслѣдъ за тѣмъ, надъ нашими головами, съ шипѣньемъ и свистомъ, пронеслась граната и съ трескомъ разорвалась недалеко отъ насъ, поднявъ столбъ земли и пыли; вслѣдъ за первой гранатой послѣдовала другая, затѣмъ третья. Несовсѣмъ пріятно было намъ представлять изъ себя мишень для непріятельскихъ пушекъ; только спустясь на дно балки, мы вздохнули свободнѣе. Жутко, очень жутко было съ непривычки слышать надъ головою зловѣщее шипѣнье и визгъ гранаты; такъ вотъ и кажется, что секунда—и граната ударитъ въ тебя и разнесетъ въ клочья.

Пройдя немного по дну ложбины, баталіоны поднялись на скатъ возвышенности и расположились въ резервномъ порядкѣ, ожидая дальнѣйшаго распоряженія.

Вскорѣ, вслѣдъ за этимъ, къ намъ подъѣхалъ бригадный командиръ и приказалъ баталіонамъ возвратиться на бивуакъ.

Около полудня, изъ деревни Мечки пришелъ нашъ 3-й баталіонъ и расположился на лугу, возлѣ Дебо, правѣе полковаго обоза. Въ этотъ день, намъ положительно стало извѣстнымъ, что завтра, съ разсвѣтомъ, наша бригада атакуетъ турецкія позиціи на лѣвомъ берегу Осмы.

На бивуакѣ, ротные командиры осматривали оружіе, патроны, дѣлая, вмѣстѣ съ тѣмъ, разныя распоряженія. Къ вечеру, людямъ приказано было отнести ранцы въ полковой обозъ, такъ какъ въ дѣло части бригады должны были идти въ гимнастическихъ рубахахъ, имѣя шинели скатанными черезъ плечо; кромѣ того, приказано было взять съ собою мѣшокъ съ сухарями и ранцевый котелокъ.

Наступилъ вечеръ; люди, пропѣвъ вечернюю молитву, тихо разошлись по своимъ мѣстамъ; не было пѣсень, той суеты, какая бывала, обыкновенно, на бивуакѣ. Поздно вечеромъ, командиръ полка, собравъ къ себѣ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, вкратцѣ передалъ имъ предположеніе о завтрашнемъ наступленіи.

Наконецъ, погасла багряная полоса заката солнца и наступила безлунная ночь.

Въ разныхъ мѣстахъ бивуака, между длинными бѣлыми линіями палатокъ, темнѣли фигуры солдатиковъ, которые, стоя на колѣняхъ и поднявъ лицо къ высокому звѣздному небу, горячо молились Богу. Вскорѣ все смолкло; только общую тишину нарушало какое-то

однообразное чириканье кузнечиковъ въ высокой влажной травѣ. Я долго не могъ заснуть, ворочаясь съ боку на бокъ на камышевой цыновкѣ. Мысли, безпрестанно смѣняя одна другую, роились въ моей головѣ; что-то жуткое, томительно-неизвѣстное тѣснилось въ душу. И такъ, завтра въ бой!...

V.

Бой подъ Никополемъ 3-го іюля. — Канонада. — Наступленіе; атака турецкой позиціи на лѣвомъ берегу Осмы. — Занятіе переправы и штурмъ Никопольскихъ высотъ.—Ночь на 4-е іюля.—Сдача Никополя.

Съ разсвѣтомъ 3-го іюля, Вологодскій полкъ, съ двумя батареями 5-й артиллерійской бригады, снялся съ бивака у Дебо и двинулся впередъ, для атаки непріятельскихъ позицій на лѣвомъ берегу Осмы. Сначала мы шли по полевой дорогѣ, пролегавшей по сильно волнистой мѣстности, среди кукурузныхъ и хлѣбныхъ полей, еще окутанныхъ синеватымъ утреннимъ туманомъ; затѣмъ, пройдя около четырехъ верстъ, свернули вправо, на шоссе, тянувшееся по дну широкой, глубокой балки; шоссе шло съ юго-запада на сѣверо-востокъ и направлялось къ сторонѣ Никополя.

Вскорѣ послѣ выхода полка на шоссе, были вызваны стрѣлковыя роты передъ баталіоны и затѣмъ Вологодцы, бѣлыми массами, сверкая щетиною штыковъ, подъ косыми лучами только что показавшагося солнца, въ тишинѣ и грозномъ порядкѣ, шагъ за шагомъ, приближались къ турецкой позиціи; наконецъ, полкъ, зайдя правымъ плечомъ, построился въ боевой порядокъ на отлогомъ скатѣ широкой балки.

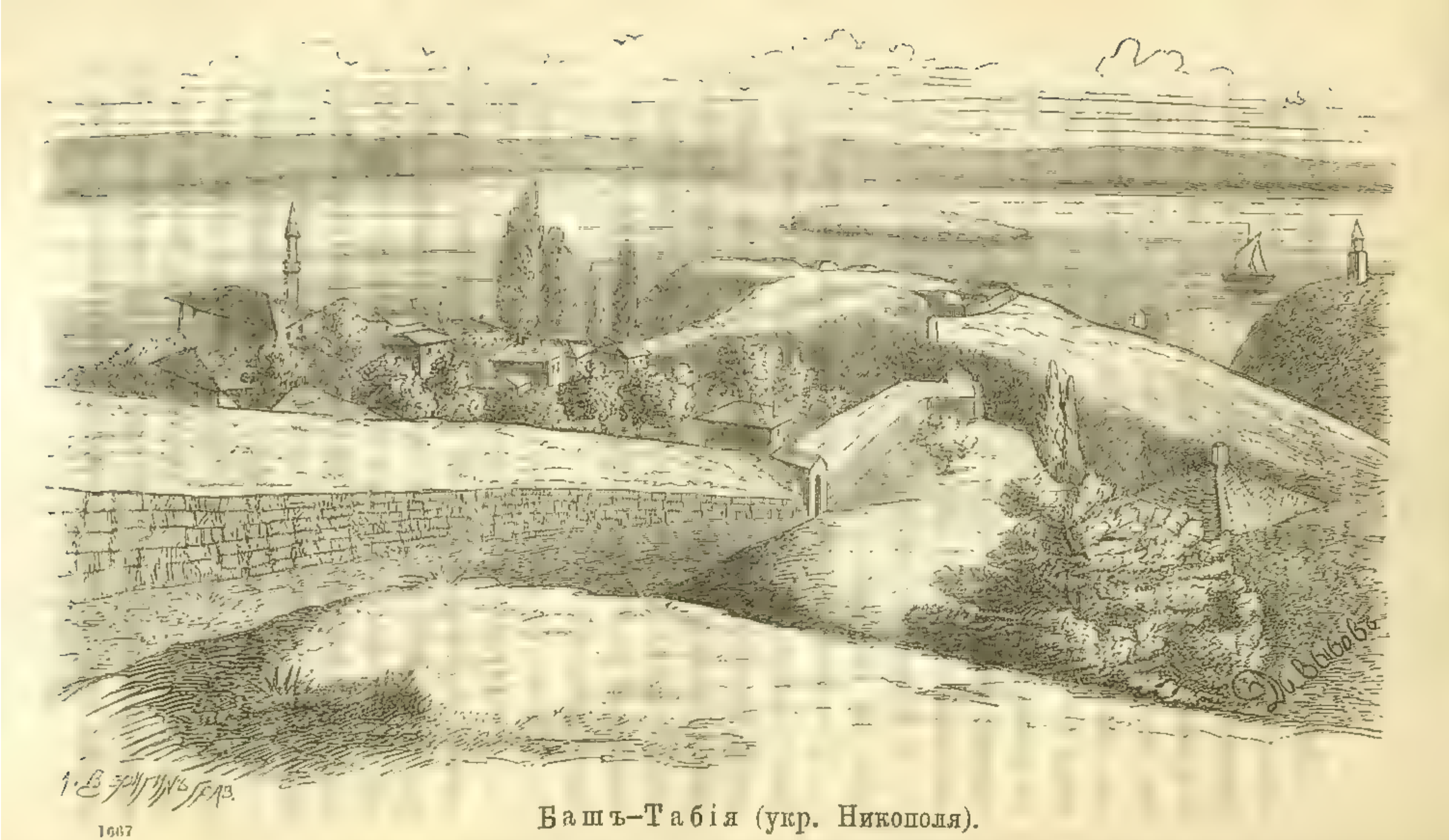
Части полка, передъ наступленіемъ, были расположены на позиціи слѣдующимъ образомъ: на правомъ флангѣ—1-й баталіонъ, лѣвѣе—4-я батарея и затѣмъ 2-й баталіонъ, имѣя въ полубаталіонномъ интервалѣ 6-ю батарею; всѣ два баталіона стали по ротно въ двѣ линіи; 1-я и 2-я стрѣлковыя роты были разсыпаны въ цѣпи, имѣя въ каждой ротѣ одну полуроту въ цѣпи, а другую—въ поддержкѣ; 3-й баталіонъ въ колоннѣ изъ середины расположился уступомъ слѣва и составлялъ полковой резервъ.

Въ ожиданіи дальнѣйшаго распоряженія, роты залегли на указанныхъ мѣстахъ.

Мѣстность, на которой расположился нашъ отрядъ,—было обширное, волнообразное, пространство, прорѣзанное глубокими, съ крутыми берегами, балками. Спереди нашего лѣваго фланга былъ видѣнъ небольшой кустарникъ, затѣмъ тянулись поля, покрытыя кукурузой, пшеницей и отдѣльно растущими орѣховыми и тутовыми деревьями.

Вправо отъ лѣса, внизу, далеко на сѣверъ, тянулась обширная долина, по которой, среди зеленой листвы деревьевъ и зарослей ивняка, извиваясь лентой, протекала Осма. За рѣкой подымались возвышенности, вершины которыхъ терялись вдали. Очертаніе турецкой позиціи, прикрытой кукурузою и виноградниками, трудно было замѣтить невооруженнымъ глазомъ.

Около 7-ми часовъ утра, въ 4-й батареѣ, возлѣ орудій, засуетилась прислуга и вслѣдъ за этимъ грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другой, третій; батарея окуталась облаками дыма, и гранаты, съ шипѣньемъ и визгомъ, понеслись къ непріятелю. «Началось»,—неволь-



Башъ-Табія (укр. Никополя).

но подумалось каждому и всѣ напряженно стали ожидать турецкаго гостинца. Только послѣ третьяго нашего выстрѣла, стали отвѣчать турки; ихъ артиллерія замѣчательно скоро пристрѣлялась, мѣтко посылая гранату за гранатой въ мѣсто расположенія батареи; первая граната сдѣлала недолетъ, вторая перелетѣла и, разорвавшись, ранила упряжную лошадь; бѣдное животное медленно плелось назадъ, помахивая своей окровавленною мордою. Третья непріятельская граната разорвалась у самыхъ нашихъ орудій и осколкомъ ранила офицера 4-й батареи, поручика Ганичева.

Вскорѣ у нихъ оказалась еще и другая батарея, расположенная правѣе первой; турки упорно отвѣчали на огонь нашихъ двухъ батарей, безпрестанно посылая гранату за гранатой въ мѣсто расположенія нашего отряда. Грохотъ орудійной канонады и трескъ разрывавшихся снарядовъ наполняли гуломъ всю окрестность.

Спустя около часа послѣ открытія канонады, былъ данъ сигналъ: «всѣ, наступленіе».

По сигналу, Вологодцы, взявъ ружья «вольно», по командѣ, стройно, сохраняя равненіе, въ ногу двинулись къ турецкимъ ложементамъ. Мы шли, то—по кукурузѣ, то—по виноградникамъ, спускались въ балки и снова подымались и, такимъ образомъ, быстро сближались съ непріятелемъ.

По мѣрѣ того, какъ мы двигались впередъ, турецкія пули начали роемъ носиться надъ нами, издавая какой-то странный, ноющій вой. Постепенно подвигаясь впередъ, мы спустились въ глубокую балку и, поднявшись затѣмъ къ гребню, увидѣли передъ собою снова

поднимавшуюся возвышенность, вершина которой была окаймлена желтыми насыпями ложементовъ; ярко-красныя фески турецкихъ стрѣлковъ густо усѣяли бруствера, рѣзко выдѣляясь на желтой глинѣ насыпей. Турки встрѣтили Вологодцевъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ; непріятельскія пули массой неслись въ воздухѣ, производя какой-то странный шумъ и шелестъ въ высокихъ стебляхъ кукурузы; нѣкоторыя изъ нихъ, ударившись въ землю, снова подымались къ верху, издавая бѣшенные звуки; орудійная канонада гремѣла по прежнему и гранаты съ визгомъ разсѣкая воздухъ, рвались между ротами; въ рядахъ Вологодцевъ, стали появляться убитые и раненые. Стрѣлковыя роты, занявъ гребень балки, открыли огонь по непріятельскимъ ложементамъ.

Вслѣдствіе крайне пересѣченной мѣстности, а также, все болѣе и болѣе усиливающагося, огня непріятеля, происходилъ неизбѣжный при этомъ безпорядокъ и замедленіе въ движеніи цѣпи; тогда подполковникъ Тихоновъ предложилъ мнѣ взять на себя командованіе правымъ флангомъ стрѣлковой цѣпи.

Заявивъ о своемъ назначеніи командиру роты, капитану Давыдову, я почти все время боя, на лѣвомъ берегу Осмы, руководилъ правымъ флангомъ стрѣлковъ и дошелъ съ ними до самой переправы чрезъ Осму, у Джурно-Село.

Поддерживая неторопливый ружейный огонь, стрѣлковыя роты постепенно подавались все ближе и ближе къ турецкимъ ложементамъ, при чемъ 1-й баталіонъ велъ атаку съ фронта, а роты 2-го баталіона, наступая впередъ, охватывали правый флангъ непріятеля.

Передъ началомъ наступленія, 3-й баталіонъ находился въ резервѣ и стоялъ уступомъ слѣва въ колоннѣ изъ середины. Какъ только открылся артиллерійскій огонь, къ баталіону подъѣхалъ полковой адъютантъ, поручикъ Яблонскій, и передалъ маіору Залетину приказаніе командира полка, барона Соловьева, что, спустя четверть часа послѣ сигнала: «всѣ, наступленіе», 3-й баталіонъ долженъ двигаться впередъ; вмѣстѣ съ этимъ, для удлиненія лѣваго фланга цѣпи стрѣлковъ и для занятія впереди лежащаго кустарника, была вызвана полурота 3-й стрѣлковой роты, подъ командою прапорщика Власьева 1-го.

Спустя четверть часа послѣ сигнала, 3-й баталіонъ двинулся впередъ; выйдя на гребень балки, маіоръ Залетинъ развелъ баталіонъ по полубаталіонно и продолжалъ въ этомъ строѣ подаваться впередъ вслѣдъ за наступавшими 2-мъ и 1-мъ баталіонами.

Вскорѣ, вслѣдъ за наступленіемъ Вологодскаго полка, на правомъ берегу Осмы зарокотала дробь ружейной перестрѣлки, которой вторилъ гулъ орудійной пальбы. Вершины горъ покрылись бѣлымъ пороховымъ дымомъ, волнами разстилавшимся по скатамъ и кустарникамъ правой стороны Осмы.

Наконецъ, задымилась, ясно виднѣвшаяся намъ, грозная Никопольская высота и вслѣдъ затѣмъ, граната за гранатой, начали наискось прорѣзывать нашу боевую линію и рваться между наступающими ротами Вологодцевъ. Крайне непріятное впечатлѣніе производилъ боковой полетъ снарядовъ; такъ и кажется, что вотъ-вотъ, ударитъ тебя въ високъ, или въ бокъ, и положитъ на мѣстѣ.

Вдругъ, слѣва раздается кликъ «ура», — это 3-я и 2-я стрѣлковыя роты начинаютъ охватывать правый флангъ турецкой позиціи; тогда капитанъ Давыдовъ закричалъ: «стрѣлки, впередъ, ура!» Вся цѣпь, поднявшись, во весь духъ бросается впередъ, спотыкаясь и падая, бѣжа по рыхлому полю кукурузы и виноградниковъ.

Турки очищаютъ ложементы и быстро отступаютъ назадъ. Стрѣлки, занявъ первую линію ложементовъ, не останавливаются въ нихъ, а съ налета врываются въ слѣдующій рядъ траншей. Тамъ мы нашли, рядами сложенныя, чорные, кожаные ранцы, ящики съ патронами Спайдера, жестяныя маперки съ виноградным сокомъ, рисъ и даже куски сыраго мяса, положеннаго на доски; вѣроятно, турки готовились завтракать, но нашъ, черезчуръ ранній, визитъ лишилъ ихъ этого удовольствія.

При взятіи траншеи, ружейной пулей ранило бѣжавшаго возлѣ меня рядоваго 1-й стрѣлковой роты Симакова; бѣдный солдатикъ, зажимая рукой рану, то—падалъ на землю, то—снова вставалъ; широкое кровавое пятно все болѣе и болѣе расширялось на его бѣлой рубахѣ.

— Что съ тобой, Симаковъ?—спрашиваю я.

— Ой, ваше благородіе, убили; видно, смерть моя пришла!

Успокаивая его, я распорядился сдѣлать ему перевязку и отнести назадъ.

Такъ какъ ружья Спайдера своей конструкціей нѣсколько схожи съ Крынкомъ, а калибръ почти одинаковъ, то солдатики, занявъ траншеи, открыли огонь по

отступающимъ туркамъ ихъ же патронами. Подождавъ прихода линейныхъ ротъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдохнувъ и собравшись съ силами, стрѣлки двинулись впередъ. Въ то время, какъ Вологодцы брали траншеи, внизу, по лѣвой сторонѣ Осмы, стройно наступалъ баталіонъ Козловскаго полка. Козловцы, переправившись у Мыселеу, двигались вслѣдъ за нами къ переправѣ.

Темная линія ихъ стрѣлковой цѣпи *) постепенно занимала сады и рощи по Осмѣ, отбрасывая турокъ къ Никопольскимъ высотамъ.

Между тѣмъ, турки усилили фронтальный и фланговый огонь по безостановочно наступавшему Вологодскому полку; гранаты и шрапнели ежеминутно разрываясь вблизи, обдавали осколками и комьями земли. Особенно сильное впечатлѣніе производило дѣйствіе шрапнели: высоко въ воздухѣ показывается небольшое облачко дыма, слышится звонъ, какъ бы разбитаго стакана, и вслѣдъ за тѣмъ осколки и пули съ шумомъ, словно стая вспугнутыхъ воробьевъ, несутся, разсѣяваясь, внизъ. Весь этотъ орудійный гулъ и трескъ, свистъ и вой пуль разстраиваютъ нервы въ высшей степени и человѣкъ дѣйствуетъ полусознательно, какъ бы въ туманѣ.

Послѣ занятія траншей, роты 2-го баталіона продолжали, совмѣстно съ 1-мъ баталіономъ, дальнѣйшее наступленіе, охватывая правый флангъ непріятеля и отбрасывая его къ устью Осмы. Во время этого на-

---

*) Всѣ войска 9-го армейскаго корпуса были одѣты въ мундирахъ, за исключеніемъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи и 3-хъ батарей вступившихъ въ бой въ гимнастическихъ рубахахъ.

ступленія, граната ударилась въ землю передъ фронтомъ 5-й линейной роты и, разорвавшись, осколкомъ убила на повалъ командира роты, штабсъ-капитана Чута.

1669

Штабсъ-капитанъ Чутъ,

убитъ подъ Никополемъ 3-го іюля 1877 года.

3-й баталіонъ продолжалъ свое дальнѣйшее движеніе въ полубаталіонныхъ колоннахъ. Спустя нѣкоторое время, къ баталіону подъѣхалъ командиръ полка приказалъ выслать въ цѣпь 2-ю полуроту 3-й стрѣлковой роты и затѣмъ, ставъ въ полубаталіонномъ интервалѣ, приказалъ атаковать впереди лежащую балку.

Баталіонъ, съ кликомъ «ура», бросился впередъ, занялъ балку и брошенную турками траншею; въ этой траншеѣ, какъ и въ прочихъ, нашли ранцы, манерки, патроны. Во время этой атаки, турки открыли огонь шрапнелью и баталіонъ при этомъ потерялъ около 20-ти человѣкъ. Занявъ балку и траншею, баталіонъ расположился на скатѣ возвышенности, укрываясь отъ непріятельскаго огня; находившійся здѣсь, командиръ полка, баронъ Соловьевъ только что успѣлъ слѣзть съ лошади и сталъ закуривать папиросу, какъ былъ раненъ ружейною пулею въ ногу; въ командованіе полкомъ вступилъ подполковникъ Тихоновъ.

1-й баталіонъ продолжалъ, между тѣмъ, двигаться впередъ, по слѣдамъ отступавшаго непріятеля; стрѣлки, руководимые капитаномъ Давыдовымъ, спустились внизъ, въ долину Осмы и, соединясь съ Козловцами, гнали турокъ къ переправѣ у Джурпо-Село. Грозная Никопольская высота, какъ вулканъ, окуталась бѣлымъ дымомъ, посылая снарядъ за снарядомъ въ ряды атакующихъ частей; турецкіе стрѣлки, засѣвъ за деревьями и кустарниками, окаймляющими берега Осмы, продолжали ружейную трескотню.

На обширной равнинѣ, среди зеленой, высокой травы, виднѣлись разсѣянные бѣлые и черные предметы; эти лежавшіе предметы были трупы убитыхъ Вологодскихъ и Козловскихъ стрѣлковъ...

Недалеко отъ рѣки, изъ-за деревьевъ вдругъ выбѣжало большое стадо рогатаго скота, которое, затѣмъ, съ ревомъ и мычаньемъ, начало неистово кружиться между нашей и непріятельской линіей...

Занявъ мостъ, стрѣлки перешли на правый берегъ

Осмы и расположились у подошвы горы, ожидая подхода линейныхъ ротъ.

Въ это время, я получилъ приказаніе, донести командующему полкомъ о занятіи 1-мъ баталіономъ переправы чрезъ Осму. Взявъ свою лошадь у шедшаго

1668

Командиръ полка, полк. баронъ Соловьевъ,
раненъ подъ Никополемъ 3-го іюля 1877 года.

сзади сигналиста, унтеръ-офицера Ивана Ельникова, я уѣхалъ къ подполковнику Тихонову. Отъ него я поѣхалъ съ донесеніемъ къ начальнику дивизіи, что Вологодцы взяли всѣ позиціи на лѣвомъ берегу Осмы и что 1-й баталіонъ, занявъ переправу, перешелъ на правый берегъ Осмы.

Генералъ Шильдеръ-Шульднеръ передалъ черезъ меня приказаніе, чтобы 1-й баталіонъ атаковалъ гору; 2-му баталіону приказано было также перейти переправу, поддержать атаку, а 3-му баталіону придвинуться къ рѣкѣ и стать у моста.

Стянувшись у подошвы горы, 1-й баталіонъ началъ, по обрывистымъ кручамъ, подниматься вверхъ; капитанъ Давыдовъ, съ цѣпью стрѣлковъ, по горной тропинкѣ обошелъ правый флангъ непріятеля, а линейныя роты вели атаку съ фронта. Только что Вологодцы поднялись изъ-за гребня горы, какъ раздался оглушительный громъ двухъ орудійныхъ залповъ и картечь съ визгомъ и воемъ запрыгала по рядамъ Вологодцевъ; почти всѣ передніе ряды лоскомъ легли на мѣстѣ, но остальные, съ крикомъ «ура», бросились въ штыки и захватили два чугунныхъ крѣпостныхъ и 4 крупповскихъ полевыхъ орудія; часть прикрытія и прислуга были переколоты. Ударъ настолько былъ стремителенъ, что солдаты захватили даже двухъ упряжныхъ лошадей. Оправившись, турки участили ружейную и орудійную пальбу и двинулись въ атаку. Подъ напоромъ непріятеля, Вологодцы подались назадъ, но усиленнымъ ружейнымъ огнемъ отбили атаку, не позволили туркамъ взять обратно орудій. Во время этой атаки, на лѣвомъ флангѣ стрѣлковой цѣпи показались черкесы и баши-бузуки; но командиръ 2-й стрѣлковой роты, штабсъ-капитанъ Осиповъ, сомкнувъ часть цѣпи, двумя залпами отбилъ атаку; черкесы и баши-бузуки ускакали назадъ, потерявъ нѣсколькихъ человѣкъ убитыми. Отбросивъ непріятеля, наша цѣпь поддерживала сильный ружейный огонь, а остальныя роты, укрываясь

отъ огня, лежали за гребнемъ горы, въ небольшой ложбинѣ.

Въ то время, какъ 1-й баталіонъ бралъ Никопольскую укрѣпленную гору, роты 2-го баталіона, отбрасывая непріятеля къ устью Осмы, двигались вслѣдъ за нимъ, переходя изъ кукурузы въ виноградникъ, изъ виноградника въ балку, изъ балки снова въ кукурузу.

Очутившаяся въ первой линіи, 5-я рота, слѣдуя за отступавшими турками, спустилась въ лощину и затѣмъ вошла въ какую-то небольшую деревушку. Только что начала она втягиваться въ узкія улицы, какъ изъ-за изгородей, изъ оконъ, изъ-за строеній была осыпана градомъ непріятельскихъ пуль. Подавляемая сильнѣйшимъ непріятелемъ и потерявъ 5 человѣкъ убитыми и 14 ранеными, рота принуждена была отступить назадъ. Въ числѣ убитыхъ былъ и фельдфебель роты, Демьянъ Батура, трупъ котораго остался въ рукахъ враговъ. Вскорѣ, подошедшія 7-я и 8-я роты съ частью 3-й стрѣлковой роты выбили турокъ изъ деревни и заставили бѣжать назадъ.

Очистивъ отъ непріятеля лѣвый берегъ Осмы, 2-й баталіонъ съ 4-й батареей перешелъ за мостъ и, ожидая дальнѣйшаго приказанія, расположился въ колоннѣ изъ середины на Плевно-Никопольскомъ шоссе, у подошвы Никопольскихъ высотъ.

1-й баталіонъ, расположившись на горѣ, по прежнему, отражалъ попытки турокъ перейти въ наступленіе противъ лѣваго фланга, съ цѣлью сбросить насъ внизъ. По всей вѣроятности, туркамъ удалось бы, въ концѣ концовъ, подавить насъ своей массою, если бы намъ не оказывалъ братской помощи молодецкій Козловскій

полкъ, который, расположась на, взятыхъ имъ штурмомъ, высотахъ по обѣ стороны Плевно-Никопольскаго шоссе, ежеминутно отражалъ непріятельскія атаки. Доблестный его командиръ, полковникъ Степановъ, находясь недалеко отъ насъ, вправо, подъ деревомъ, руководилъ дѣйствіями своего полка.

Было около двухъ часовъ пополудни; жгучіе лучи солнца отвѣсно падали съ ярко синяго безоблачнаго неба и ни малѣйшій вѣтерокъ не освѣжалъ воздуха. Кругомъ насъ стоялъ какой-то неопредѣленный шумъ, покрываемый громомъ орудійной пальбы и адскою музыкою ружейной трескотни. Вдругъ, въ Козловскомъ полку раздался бой барабановъ «атака», затѣмъ поднялись раскаты «ура». Все это: трескъ барабановъ, крики «ура», громъ выстрѣловъ, слилось въ какой-то общій ревъ, гулъ!

Цѣпь и резервъ Вологодцевъ, какъ одинъ человѣкъ, поднялись съ мѣста и крича «ура», очертя голову, бросились впередъ.

Долго мы бѣжали по виноградникамъ, рытвинамъ, козлами прыгая чрезъ канавы, подъ учащеннымъ пушечнымъ огнемъ непріятеля. Во время этой гонки въ перебѣжку, Вологодцы и Козловцы, перемѣшавшись, представляли изъ себя какую-то пеструю массу.

Вдругъ, по рядамъ проносится крикъ: «кавалерія, черкесы на лѣвомъ флангѣ!» Смятеніе, крикъ, шумъ вышли ужаснѣйшіе; чтобы прекратить нѣсколько безпорядокъ, я поднялъ саблю и приказалъ барабанщику ударить «сборъ».

Собравъ часть Вологодцевъ, я выстроилъ ихъ фронтомъ, въ сторону предполагаемой черкесской атаки,

затѣмъ вынулъ револьверъ и, взведя курокъ, сказалъ: «если кто осмѣлится выстрѣлить безъ моей команды, того я застрѣлю своей рукой, слышите, ребята?»

— Слушаемъ, ваше благородіе!—дружно отвѣтили солдатики.

Лѣвѣе меня, уступомъ, сзади, выстроились Козловцы, подъ начальствомъ какого-то молодаго офицера. Мы спокойно ожидали атаки непріятельской кавалеріи, готовясь принять ее съ честью — угостить свинцовыми орѣхами.

Прождавши на мѣстѣ около четверти часа и видя, что кавалерія не появляется, я половину людей разсыпалъ въ цѣпь, а другую оставилъ въ поддержкѣ, двинулся впередъ; вслѣдъ за мной начали наступать и Козловцы. Открывъ огонь и постепенно перебѣгая отъ закрытія къ закрытію, мы тѣснили турокъ назадъ; наконецъ, выбивъ непріятеля изъ довольно глубокой канавы, Вологодцы и Козловцы расположились на ней, чтобы нѣсколько отдохнуть и привести перемѣшавшіяся роты въ порядокъ. Въ это время подъѣхалъ командиръ 2-й бригады, 5-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Богацевичъ и генеральнаго штаба полковникъ Маціевскій. Генералъ Богацевичъ приказалъ мнѣ устроить перемѣшавшіяся роты Вологодцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вступить въ командованіе баталіономъ, до прибытія старшаго офицера Вологодскаго полка. Вскорѣ вслѣдъ за этимъ начали прибывать ротные командиры и вступать въ командованіе своими частями. Отсюда Вологодцевъ и Козловцевъ передвинули вправо и мы расположились на площадкѣ, между большими, коническими палатками, взятаго турецкаго лагеря. Въ палаткахъ ле-

жало имущество турецкихъ солдатъ и офицеровъ; кромѣ того, тамъ много было рису, галетъ и даже коровьяго масла. Турки, замѣтивъ насъ въ лагерѣ, осыпали всю площадь снарядами; просто некуда было дѣться отъ падающихъ пуль и гранатъ.

Наконецъ, на наше счастье, справа и сзади раздались орудійные выстрѣлы, вслѣдъ за которыми турецкая батарея моментально замолчала; только послѣ этого мы могли нѣсколько перевести духъ и удерживать напоръ все болѣе и болѣе усиливающагося непріятеля. Эту неожиданную помощь намъ оказалъ взводъ 2-й донской батареи, вынесшійся, подъ сильнымъ огнемъ, на позицію и двумя-тремя выстрѣлами подбившій непріятельскую батарею.

Около полудня, турки, все болѣе и болѣе усиливаясь и открывая страшный ружейный огонь, начали тѣснить весь нашъ лѣвый флангъ; Вологодцы и Козловцы оставивъ лагерь, должны были отступить назадъ; но вотъ, сзади подходятъ стройныя бѣлыя линіи,—то 2-й баталіонъ, построенный по ротно въ двѣ линіи, наступалъ впередъ. Турки были отброшены и вся наша боевая линія двигалась по пятамъ отступающаго непріятеля.

Опять закипѣлъ бой, опять усилился громъ орудій и трескъ ружейной пальбы, по временамъ прерываемый барабаннымъ боемъ «атаки» и крикомъ «ура».

Мнѣ и до сихъ поръ часто представляется маленькаго роста, молоденькій прапорщикъ 8-й роты, Шумскій-Каверниковъ, который, идя впереди цѣпи, и, поднявъ саблю, кричалъ: «впередъ, братцы, впередъ, впередъ!»

Вся мѣстность была усѣяна бѣлыми, черными и красно-синими предметами; эти разбросанные предметы были раненые и убитые Вологодцы, Козловцы и Турки. Одѣтые въ широчайшіе синіе штаны и обмотанные краснымъ шерстянымъ поясомъ, лежащіе турки казались какими-то великанами.

Становилось уже темно; легкій вечерній туманъ, смѣшавшись съ пороховымъ дымомъ, синеватой пеленой началъ заволакивать поле битвы, а канонада и ружейная пальба все еще не умолкали. Впереди, на открытой полянѣ, виднѣлся черный силуэтъ большаго редута. Окутанный облаками пороховаго дыма, онъ, по временамъ, озарялся огненнымъ вѣнцомъ ружейныхъ залповъ, а затѣмъ снова погружался въ темноту. Командиръ 6-й роты, штабсъ-капитанъ Лучаниновъ, разсказывалъ мнѣ потомъ, что будто бы изъ редута два раза раздавался на рожкѣ русскій сигналъ «отступленіе». Наконецъ, выстрѣлы постепенно все болѣе и болѣе затихая, почти прекратились и мы безпрепятственно подвигались впередъ; вдругъ, съ лѣваго фланга, изъ за ската горы, выѣхали двѣ сотни 9-го донскаго полка и вихремъ промчались вдоль фронта нашей боевой линіи. Расхрабрившіеся станичники, махая шашками, кричали: — «гдѣ турки, мы всѣхъ порубимъ!»

Имѣя при себѣ около полутораста человѣкъ Вологодцевъ и часть Козловцевъ, я подошелъ почти къ самому спуску къ Дунаю. На уступѣ горы я нашелъ брошенную турецкую батарею съ крѣпостными пушками, дула которыхъ были обращены на Турно-Магурели. На батареѣ валялись трупы только что заколотыхъ турокъ. Чтобы предохранить себя отъ нечаяннаго на-

паденія, я выставилъ нѣсколько часовыхъ, приказавъ имъ давать знать о всемъ замѣченномъ; спустя нѣкоторое время, прибѣжалъ солдатъ и сообщилъ, что генералъ Богацевичъ собираетъ Вологодцевъ и Козловцевъ, чтобы отвести назадъ. Имѣя въ виду, что орудія были крѣпостныя и притомъ заряжались съ дула, слѣдовательно, мы ни увезти, ни испортить ихъ не могли, и, что оставаться на батареѣ, вблизи крѣпости, было безразсудно, я рѣшилъ присоединиться къ полку. Недалеко отъ батареи стояли уже собравшіяся части Вологодскаго полка. Встрѣтившись тамъ съ А. И. Давыдовымъ, мы поцѣловались и отъ души поздравили другъ друга съ избавленіемъ, на этотъ разъ, отъ смерти, или увѣчья. Повѣривъ и устроивъ перемѣшавшіяся части, маіоръ Кольчевскій, по указанію генерала Богацевича, отвелъ Вологодцевъ назадъ и расположилъ на ночлегъ, въ турецкомъ лагерѣ. Въ лагерѣ были собраны раненые, между которыми я нашелъ прапорщика Андреевскаго; онъ лежалъ на носилкахъ и сильно страдалъ отъ полученной раны во время атаки 2-мъ баталіономъ турецкихъ позицій; осколокъ гранаты ему перебилъ ногу.

Тихая ночь уже царила надъ полемъ смерти; вдали, изрѣдка, раздавались глухіе пушечные выстрѣлы; но скоро все смолкло; только надъ Никополемъ стояло пламя пожара, окрашивая небо ярко-краснымъ свѣтомъ*).

---

*) Изъ эпизодовъ Никопольскаго боя, я помню слѣдующій разсказъ рядоваго 1-й стрѣлкой роты Ивана Дорохова: «я столкнулся съ турецкимъ артиллеристомъ; турокъ—здоровенный солдатище, схватясь за штыкъ, началъ вырывать у меня ружье; я тяну къ себѣ ружье, а турокъ—къ себѣ; наконецъ, догадавшись, я вложилъ патронъ и, выстрѣломъ въ животъ, убилъ непріятеля.

Съ разсвѣтомъ 4-го іюля, по приказанію генерала Богацевича, 2-й баталіонъ Вологодскаго полка былъ пополненъ присоединившимися къ нему, во время боя, людьми 1-го баталіона, а изъ людей разныхъ стрѣлковыхъ ротъ была составлена сводная стрѣлковая

1666

Поручикъ Давыдовъ
командовалъ частью цѣпи при штурмѣ Никополя.

рота, 1-я полурота которой была поручена мнѣ, а 2-я — поручику Давыдову. Затѣмъ, выславъ стрѣлковъ впередъ, 2-й баталіонъ, подъ командою маіора Кольчевскаго, въ строю по ротно, въ двѣ линіи, имѣя въ интервалѣ 4-ю батарею 5-й артиллерійской бригады, двинулся на штурмъ Никополя.

Остальные два баталіона Вологодскаго полка, подъ общимъ начальствомъ командующаго полкомъ, маіора Залетина, стояли въ резервѣ возлѣ взятой наканунѣ турецкой батареи *).

И такъ, наша боевая линія, состоящая изъ баталіоновъ Вологодскаго и Козловскаго полковъ, подъ руководствомъ генерала Богацевича, въ порядкѣ и грозномъ молчаніи, двигалась впередъ, на штурмъ Никополя. Мы безпрепятственно прошли цѣлую сѣть брошенныхъ турками траншей, прошли мимо громаднаго редута, противъ котораго вчера вели атаку Вологодцы, и, наконецъ, уперлись въ гласисъ крѣпости.

Весь путь нашего наступленія былъ усѣянъ обломками оружія, артиллерійскими снарядами и цѣлой массой патроновъ; по дорогѣ въ крѣпость, лежали два подбитыя, стальныя орудія. Подойдя со стрѣлками къ гласису, я замѣтилъ въ амбразурѣ крѣпостнаго вала, стоящаго пожилаго турецкаго офицера, въ красной фескѣ и синемъ мундирѣ, на рукавѣ котораго были нашивки изъ золотаго широкаго галуна. Турецкій офицеръ держалъ въ рукахъ палку съ привязаннымъ бѣлымъ флагомъ.

И такъ, Никополь сдался!

Войдя затѣмъ въ крѣпость, я свернулъ вправо на бастіонъ, гдѣ засталъ цѣлый таборъ турокъ, стоящихъ въ колоннѣ, возлѣ брошенныхъ въ кучу ружей. Вскорѣ вслѣдъ за этимъ, роты Вологодскаго полка были выведены изъ крѣпости и построены въ баталіонныя ко-

---

*) Маіоръ Залетинъ вступилъ въ командованіе полкомъ послѣ контуженнаго подполковника Тихонова.

лонны, а послѣ встрѣчи плѣннаго Гассана-паши и проѣзда начальства, полкъ былъ отведенъ въ виноградники, гдѣ и расположился бивакомъ.

И такъ, Никополь, одна изъ сильнѣйшихъ придунайскихъ крѣпостей, укрѣпленная природой и искусствомъ, съ гарнизономъ около 12-ти тысячъ, пала предъ доблестными войсками 9-го армейскаго корпуса.

Въ Никопольскомъ дѣлѣ, на долю Вологодскаго полка выпала тяжелая и трудная задача, которую онъ, со славою и успѣхомъ, выполнилъ. Результатъ боеваго участія Вологодскаго полка былъ слѣдующій: взятіе турецкихъ позицій на лѣвомъ берегу Осмы; атака укрѣпленной горы, на правомъ берегу рѣки; взятіе двухъ крѣпостныхъ и четырехъ полевыхъ дальнобойныхъ орудій; штурмъ въ лагерѣ и занятіе гласиса крѣпости. Потерялъ полкъ убитыми и ранеными 12 офицеровъ и 250 нижнихъ чиновъ.

Изъ офицеровъ былъ убитъ штабсъ-капитанъ Чутъ; прапорщикъ Андреевскій умеръ въ госпиталѣ отъ полученной раны; ранены: полковникъ Соколовъ и капитанъ Давыдовъ; контужены: подполковникъ Тихоновъ, капитанъ Плюшкевичъ, поручики: Свѣтюха и Яблонскій и прапорщики: Грековъ, Нѣговскій, Ребиковъ и Гриценко.

Особенно была чувствительна потеря 1-го баталіона, потерявшаго въ бою подъ Никополемъ 133 человѣка, выбывшими изъ строя убитыми и ранеными.

VI.

Переходъ полка отъ Никополя къ Шамлы. — Движеніе къ Плевнѣ. — Ночная тревога. — Неожиданная завязка боя подъ Плевной 7-го іюля.

Послѣ Никопольскаго дѣла, полкъ, какъ уже извѣстно, расположился бивакомъ въ виноградникахъ, окружавшихъ городъ. Нужно было отдохнуть, возстановить физическія и нравственныя силы; кромѣ того позаботиться объ отправленіи раненыхъ въ лазаретъ, убрать тѣла убитыхъ, затѣмъ пополнить, израсходованные въ этомъ продолжительномъ бою, патроны; получить сухари для довольствія полка. Въ этихъ заботахъ полкъ провелъ лишь однѣ сутки и 5-го іюля, въ 4 часа по полудни, мы снялись съ бивака и пошли по дорогѣ на Плевно. Спустясь съ горы и перейдя мостъ чрезъ рѣку Осму, мы расположились бивакомъ на обширномъ лугу, вблизи рѣки Джурно-Село, гдѣ, сутки тому назадъ, происходилъ такой ожесточенный бой и пролилось много крови.

6-го іюля, рано утромъ, Вологодскій полкъ съ двумя батареями 5-й артиллерійской бригады получилъ приказаніе направиться къ рѣкѣ Шамлы, гдѣ и расположился бивакомъ, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій. Только въ 5 часовъ утра, вслѣдствіе полученнаго приказанія, полкъ снялся съ почлега и, перейдя лугъ и свернувъ съ Плевненской дороги вправо, пошелъ по проселочной. Дорога эта пролегала по волнистой мѣстности, среди обширныхъ полей, покрытыхъ пшеницей и кукурузой; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пшеница, овесъ и проч. были

сжаты и сложены въ копны, но полевыя работы, какъ видно, были прерваны въ самомъ разгарѣ, такъ какъ на окрестныхъ поляхъ не было видно ни одной живой души. Къ часу дня полкъ пришелъ къ Шамлы и расположился съ артиллеріею бивакомъ на берегу рѣки Вида, недалеко отъ впаденія ея въ Дунай. Разбили палатки; на берегу рѣки устроились ротные котлы, началась варка пищи, купанье; появились жители Шамлы, какіе-то выходцы изъ Румыніи; затѣмъ началась торговля бринзой, кокошками и даже ракійкой. Бивакъ принялъ шумный и оживленный видъ: лица у всѣхъ были веселыя, вездѣ слышался смѣхъ, шутки. Между собравшимися группами офицеровъ, за стаканомъ горячаго дымящагося чая и прочей неприхотливой бивачной закуской, шла оживленная бесѣда, при чемъ передавались другъ другу различные эпизоды минувшаго штурма и другія впечатлѣнія военно-походной жизни. Мы уже забыли труды и лишенія; всѣ начали, такъ сказать, отдыхать отъ тѣхъ волненій, которыя такъ недавно пережили.

Расположеніе частей 1-й бригады и Костромскаго полка 6-го числа было слѣдующее: Архангелогородскій полкъ съ двумя батареями 5-й артиллерійской бригады расположенъ былъ въ Градешти; Вологодскій полкъ съ двумя батареями — у Шамлы; Костромской полкъ съ 5-ю батареею 31-й артиллерійской бригады — въ Турскомъ Тростникѣ; 9-й Донской полкъ — у Креты.

Не долго намъ удалось постоять на мѣстѣ и предаться отдыху; около пяти часовъ по полудни, приказано было сниматься съ бивака, опрокинуть котлы съ почти готовой солдатской пищей и становиться въ ружье;

было объявлено, что 1-я бригада пойдетъ въ Бреслянницу, а затѣмъ—въ Плевну.

Выступили мы въ походъ къ Бреслянницѣ бодро; всѣ были въ беззаботномъ настроеніи духа, не смотря на малый отдыхъ и пропавшій обѣдъ; всѣ были въ томъ настроеніи, какъ пѣвалось въ старинномъ маршѣ:

„Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый Россъ!"

Впереди шелъ 3-й баталіонъ, за нимъ батарея, потомъ 2-й баталіонъ, батарея и, наконецъ, 1-й баталіонъ, въ которомъ я былъ адъютантомъ. Когда мы подошли къ Градешти, были уже вечернія сумерки и затѣмъ быстро наступила ночь; дорога была отвратительна, мосты испорчены,—все это страшно замедляло движеніе, утомляло людей и мы плелись, какъ говорится, черепашьимъ шагомъ.

Ночь была такъ темна, что съ трудомъ можно было различать вблизи находившіеся предметы; окружавшая насъ мѣстность была дикая и мрачная, особенно одно мѣсто врѣзалось мнѣ въ память: слѣва—высокая крутая возвышенность, а справа—канава, за канавой — болото, поросшее камышемъ и лозникомъ, шумѣвшее подъ свѣжимъ и порывистымъ ночнымъ вѣтромъ. Въ голову, какъ-то невольно, начали лѣзть тревожныя мысли о засадѣ; услужливое воображеніе рисовало яркими красками картины того непріятнаго положенія, въ которое мы тутъ могли быть поставлены.

Вдругъ, гдѣ-то въ сторонѣ, раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ и вслѣдъ затѣмъ послышался крикъ: «турки!». Смятеніе было ужасное. Въ ночномъ воздухѣ пронеслось громкое, порывистое

«ура» и трескъ ружейной пальбы. Солдаты, идя, кричали «ура», сами не сознавая, что дѣлаютъ. Крики и смятеніе продолжались минутъ около десяти. Наконецъ, баталіоны были остановлены, приведены въ порядокъ и, спустя часъ или болѣе, двигались далѣе. Слѣдствіемъ этой суматохи было то, что нѣсколькимъ солдатамъ нанесены раны; одно орудіе и двѣ-три обозныя повозки опрокинуты были въ придорожную канаву. Можно сказать, что нѣтъ ничего утомительнѣе и тревожнѣе ночнаго похода въ военное время.

Шли мы, шли и, кажется, конца не предвидѣлось этой проклятой дорогѣ; наконецъ, только къ двумъ часамъ ночи, дотащились къ деревнѣ Чіековцамъ. За Чіековцами, впереди и вправо дороги, показались огоньки, послышался шумъ голосовъ и ржаніе лошадей: то были биваки 9-го Бугскаго уланскаго, а нѣсколько дальше Архангелогородскаго полковъ; миновавъ, наконецъ, расположеніе этихъ полковъ, мы свернули съ дороги, тоже вправо, на лугъ, гдѣ и расположились на ночлегъ.

7-го іюля рано утромъ, чуть только солнце начало показываться надъ горизонтомъ, полкъ снялся съ мѣста ночлега и, вслѣдъ за Архангелогородцами, пошелъ къ Бреслянницѣ.

У Бреслянницы сдѣлали продолжительный отдыхъ и, за неимѣніемъ другихъ закусокъ, подкрѣпили себя сухарями съ водицей.

Здѣсь нашъ полкъ обогналъ начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ, и здѣсь намъ сообщили, что 1-я бригада идетъ на ночлегъ въ деревню Вербицу и завтра утромъ мы атакуемъ Плевну. Носились слухи, что Плевна занята неболь-

шимъ турецкимъ отрядомъ, силою въ шесть таборовъ пѣхоты, одной батареи и нѣсколькихъ сотенъ черкесовъ.

Изъ Бреслянницы, Вологодцы и Архангелогородцы съ артиллеріею, въ одной походной колоннѣ, двинулись по дорогѣ на Вербицу къ Плевнѣ. Пройдя около десяти верстъ отъ Бреслянницы, нашъ полкъ расположился на привалѣ по обѣ стороны дороги. Влѣво отъ дороги была небольшая лужайка, немного дальше—фонтанъ съ прекрасною холодною водой, а затѣмъ, кругомъ, разстилалась волнообразная мѣстность, покрытая пшеницей и кукурузой, яркая желтизна и зелень которыхъ блестѣли подъ ослѣпительными солнечными лучами.

Послѣ привала, отрядъ двинулся дальше. День былъ знойный; жара, при полномъ безвѣтріи, томила всѣхъ до изнеможенія. Мы всѣ положительно задыхались отъ зноя и тонкой, ѣдкой пыли, лѣзшей въ носъ, ротъ и глаза. Навьюченные солдатики, обливаясь пóтомъ, безпрестанно перекладывая ружья съ одного плеча на другое, двигались впередъ въ облакахъ стоявшей пыли.

Всѣ шли молча, тихо. Было-ли это общее затишье вслѣдствіе палящаго зноя, утомительнаго похода и двухдневнаго питанія сухарями съ водой; или же, быть можетъ, предчувствіе близкаго жестокаго боя, въ которомъ половина шедшихъ сложитъ свои головы!...

Дорога шла между возвышенностями, сначала отлогими; но чѣмъ ближе подходили къ Плевнѣ, тѣмъ все круче и круче становились окружавшія насъ высоты. Пролегавшая, какъ бы въ ложбинѣ, дорога была такъ узка, что двумъ встрѣтившимся обознымъ телѣгамъ

трудно было разъѣхаться; кромѣ того, она была окаймлена колючими кустарниками и зарослями молодаго дубняка. Всѣ эти мѣстныя неудобства замедляли и затрудняли движеніе отряда.

Вдругъ, впереди, къ сторонѣ Плевны, раздались ружейные выстрѣлы; за ними послѣдовалъ одинъ, другой, третій—орудійные.

Оказалось, что отрядъ нашъ сбился съ дороги и вмѣсто Вербицы, вышелъ къ Плевнѣ. Черкесская цѣпь, сдѣлавъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ по головнымъ натрулямъ Архангелогородскаго полка, тотчасъ же скрылась и вслѣдъ затѣмъ турецкая артиллерія открыла огонь по нашему отряду.

Было два часа пополудни. Головныя части 3-го баталіона Вологодцевъ остановились: нужно было стянуть полкъ, что не совсѣмъ легко и скоро можно было сдѣлать потому, что баталіоны шли на широкихъ интервалахъ обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ мирнаго времени; кромѣ того, узкая дорога была загромождена артиллерійскимъ обозомъ, зарядными ящиками, лазаретными линейками и другими повозками; а, росшій съ обѣихъ сторонъ дороги, кустарникъ задерживалъ обходившіе обозъ баталіоны. Наконецъ, выбрались на небольшую долину, окруженную со всѣхъ сторонъ, въ особенности съ южной, западной и сѣверо-западной, возвышенностями, довольно значительными; южная—была покрыта кустарникомъ и небольшимъ лѣсомъ; на скатѣ же западной—была небольшая деревушка *). Влѣво отъ дороги, неда-

*) Деревня Краіова.

леко отъ двухъ колодцевъ, вытягиваясь въ линію, начали располагаться лазаретныя линейки. Изрѣдка, гранаты, съ визгомъ и шипѣньемъ разсѣкая воздухъ, перелетали надъ головами. Вся эта обстановка наглядно убѣждала всѣхъ, что это—начало боя.

Стянувъ и устроивъ баталіоны, командующій полкомъ, маіоръ Залетинъ, приказалъ 3-му баталіону, подъ командою капитана Бертмана, занять позицію правѣе Архангелогородцевъ; 1-му баталіону, подъ командою маіора Юрковскаго, стать правѣе 3-го баталіона, а тремъ ротамъ 2-го баталіона *), подъ командою маіора Кольчевскаго, расположиться въ общемъ полковомъ резервѣ.

Баталіоны Вологодцевъ двинулись впередъ; пройдя колодцы, поднялись на скатъ возвышенности и, свернувъ съ дороги вправо, вступили въ лѣсъ. По выходѣ изъ лѣса, предъ нами открылась обширная лощина, покрытая виноградниками, кукурузой и изрѣдка орѣховыми, тутовыми деревьями. Мѣстность эта была занята Архангелогородскимъ полкомъ, построеннымъ поротно въ двѣ линіи; вправо отъ дороги, шедшей изъ Бресляницы въ Плевну, — стоялъ одинъ баталіонъ; правѣе его—1-я и 2-я батареи; правѣе артиллеріи — остальные два баталіона.

Дальше, вправо, волнообразная мѣстность прорѣзывалась глубокими балками, крутые склоны которыхъ были покрыты густымъ колючимъ кустарникомъ. Эту мѣстность занялъ Вологодскій полкъ, расположась на

---

*) 6-я линейная и 2-я стрѣлковая роты были въ прикрытіи обоза и перевязочнаго пункта.

1879 Планъ боя Вологодскаго и Архангелогородскаго полковъ подъ Плевною 7-го и 8-го іюля 1877 г.

позиціи слѣдующимъ образомъ: правѣе Архангелогородцевъ построились, по ротно въ двѣ линіи, 3-й и 1-й баталіоны; 3-я и 1-я стрѣлковыя роты были разсыпаны по гребню возвышенности, имѣя въ каждой ротѣ одну полуроту въ цѣпи, а другую—въ резервѣ. Линейныя роты расположились за скатомъ, укрыто отъ непріятеля. Три роты 2-го баталіона составляли полковой резервъ.

Во время занятія позиціи нашимъ полкомъ, турки производили только артиллерійскую пальбу; но вскорѣ затѣмъ поднялась ружейная перестрѣлка, которая становилась все сильнѣе и сильнѣе; гремѣла орудійная канонада; убитые и раненые стали появляться все чаще и чаще.

Увидѣвъ на гребнѣ, возлѣ стрѣлявшей цѣпи, командира 1-й стрѣлковой роты, капитана Давыдова *), я тоже взобрался къ нему и предъ моими глазами открылась слѣдующая картина: склонъ нашей возвышенности, обращенной къ сторонѣ непріятеля, постепенно понижался, былъ покрытъ высокою кукурузою, а нѣсколько правѣе—пшеницею, которая была на половину сжата и собрана въ копны.

Въ самой низкой точкѣ ложбины протекалъ ручей **), на которомъ находилась небольшая водяная мельница. За ручьемъ, параллельно нашему фронту, снова начинались высоты, съ болѣе крутымъ подъемомъ и террасообразными уступами, покрытыми виноградниками и колючимъ кустарникомъ; эти уступы и кустарники

*) Былъ смертельно раненъ 30-го августа, командуя стрѣлковыми ротами, при атакѣ Гривицкаго редута.

**) Ручей Буковлекъ.

были заняты густыми цѣпями турокъ. Прямо передъ нашей позиціей, по скату занятой непріятелемъ возвышенности, пролегала дорога, шедшая изъ Никополя чрезъ Бреслянницу въ Плевну. Влѣво отъ дороги шли

1674 Подпоручикъ Яндовскій.
Убитъ подъ Плевною 8-го іюля 1877 г.

виноградники, а еще лѣвѣе—виднѣлись очертанія бруствера батареи, откуда часто показывались клубы бѣлаго дыма, вслѣдъ за которыми падали гранаты въ мѣсто расположенія нашего полка. Какъ замѣтно было, лѣвый турецкій флангъ былъ гораздо длиннѣе нашего фланга и даже нѣсколько охватывалъ насъ.

Въ 6 часовъ вечера, непріятельская цѣпь, имѣя сзади сомкнутыя поддержки, начала подаваться впе-

редъ, охватывая нашъ правый флангъ, вслѣдствіе чего командующій полкомъ, маіоръ Залстинъ, приказалъ удлинить цѣпь, выдвинувъ полуроту 3-й стрѣлковой роты вправо.

Въ это же время, съ высоты, лежащей правѣе и сзади нашего фланга, открылась ружейная пальба; оказалось, что тамъ находится 9-й Донской полкъ, прибывшій изъ села Рыбно; одна полусотня казачьяго полка была спѣшена и открыла огонь по наступающему непріятелю.

Турки пріостановили свое наступленіе и вскорѣ у нихъ раздались сигналы на рожкахъ, послѣ чего резервы и цѣпь отошли на прежнюю позицію. Послѣ отступленія непріятельской цѣпи, намъ было приказано перестать стрѣлять и не отвѣчать на огонь турокъ. Приказаніе это послѣдовало отъ бригаднаго командира, генералъ-маіора Кнорринга и имѣло цѣлью сбереженіе патроновъ; огонь прекратился, и по всей боевой линіи нашего отряда водворилась полнѣйшая тишина. Жутко было лежать подъ градомъ пуль, не смѣя отвѣчать непріятелю и тѣмъ, хотя немного, успокоивать возбужденное состояніе духа.

Въ 8 часовъ сдѣлалось уже темно; огонь турокъ, постепенно затихая, прекратился по всей линіи, и только изрѣдка, еще долго, раздавались одиночные выстрѣлы съ того ската лощины, по которой уже тянулись облака ночнаго тумана. Сумерки быстро смѣнились ночью, холодною, туманною и обильною росою.

Солдатамъ было приказано переодѣться въ шинели и ложиться спать, оставаясь въ томъ боевомъ порядкѣ, въ какомъ находились. Впереди цѣпи положены секре-

ты, а въ каждомъ звѣнѣ и въ частяхъ, находившихся въ резервѣ, были поставлены часовые.

Къ довершенію всѣхъ этихъ невзгодъ, присоединилась еще другая бѣда—сильнѣйшая жажда; воды же ни у кого не было, такъ какъ, темной ночью и по незнакомой мѣстности, колодцы найти было трудно, а изъ впереди протекающаго ручья нельзя было брать воду, потому что турки стрѣляли въ каждаго, пробиравшагося къ ручью.

Придя провѣрить часоваго у знамени, я нашелъ тамъ знаменщика—фельдфебеля Козюлина и ассистента—унтеръ-офицера Бушенова; здѣсь такъ же пріютилась группа санитаровъ-носильщиковъ. Давъ указанія знаменщику и ассистенту на случай могущей быть ночной тревоги, я хотѣлъ было уходить, но они, замѣтя меня въ одной рубахѣ, отдали мнѣ полотнища отъ переносной походной палатки, которыми я и укутался, какъ бы плэдомъ, санитары же предложили лечь спать на носилки; но при взглядѣ на ихъ холстъ, покрытый кровавыми пятнами, я невольно содрогнулся и не захотѣлъ лечь, а пошелъ искать кап. Давыдова. Молчаливъ былъ бивакъ. Все стихло. Люди спокойно лежали, отдыхая отъ труднаго перехода и только что затихнувшаго боя.

Ивана Николаевича Давыдова я нашелъ на мѣстѣ расположенія цѣпи; онъ сидѣлъ съ своимъ субалтернъ-офицеромъ, подпоручикомъ Яндовскимъ, и оба горевали, что хочется пить, а воды достать нигдѣ нельзя. Но такъ какъ помочь горю было нечѣмъ, то и рѣшили лечь спать. Разостлавъ съ Яндовскимъ на влажной землѣ одно полотнище отъ палатки и, улегшись рядомъ, мы накрылись остальными.

Ложась спать, не думали мы, что одному изъ насъ суждено быть убитымъ, а другому тяжело раненымъ.

Спустя нѣкоторое время, насъ разбудилъ унтеръ-офицеръ 1-й стрѣлковой роты Кириченко, предлагая напиться воды; оказалось, что охотникамъ-стрѣлкамъ удалось незамѣтно пробраться къ ручью и почти изъ подъ носа турокъ уйти цѣлыми и невредимыми.

VII.

Атака Плевны 8-го іюля.—Отступленіе къ деревнѣ Бреслянцѣ.

Проснулся я часа въ три утра. На востокѣ только загорались первые лучи восходящаго солнца. Весь полкъ былъ уже на ногахъ; глухой говоръ и шумъ стоялъ надъ бивакомъ. Солдаты цѣлыми группами, на колѣняхъ, оборотясь лицемъ къ восходящему свѣтилу, крестились и усердно клали земные поклоны. Всѣ были серьезны, и въ какомъ-то тревожномъ, напряженномъ состояніи ожидали приказа двинуться впередъ. Вскорѣ намъ объявили диспозицію; она была коротка: полкъ долженъ взять впереди лежащую непріятельскую позицію и затѣмъ занять Плевну.

Безъ четверти въ пять часовъ утра, грянулъ съ нашей стороны первый орудійный выстрѣлъ—и «первая Плевна» наступила!...

Войска отряда для атаки были расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: на правомъ флангѣ—1-й и 3-й баталіоны Вологодскаго полка, по ротно, въ двѣ линіи, имѣя стрѣлковыя роты въ цѣпи. Три роты 2-го бата-

ліона—въ полковомъ резервѣ. Въ центрѣ—два баталіона Архангелогородскаго полка, лѣвѣе ихъ—1-я и 2-я батареи 5-й артиллерійской бригады и, наконецъ, въ прикрытіи къ нимъ, на лѣвомъ флангѣ, 3-й баталіонъ того же полка; всѣ три баталіона стали по ротно, въ

1655 Давыдовъ 2-й.

Убитъ подъ Плевною 30-го августа 1877 г.

двѣ линіи, но полковаго резерва не имѣли. Донской, № 9-й, полкъ находился на крайнемъ правомъ флангѣ.

Огонь артиллерія открыла сперва по турецкой батареѣ, находившейся въ центрѣ, а потомъ и по другой батареѣ, стрѣлявшей по нашимъ войскамъ почти продольно.

Канонада длилась $^3/_4$ часа, и въ $5^1/_2$ часовъ приказано было двинуться впередъ. Какъ было сказано выше, наше расположеніе отдѣлялось отъ турокъ глубокой лощиной, противоположный скатъ которой, поросшій кустарникомъ, былъ занятъ непріятельскими стрѣлками.

По сигналу «наступленіе», стрѣлковыя роты Вологодцевъ спустились съ гребня высоты и начали перебѣжками подаваться впередъ.

Турки открыли по наступавшимъ ротамъ самый бѣшенный огонь; мы были буквально засыпаны градомъ пуль и гранатъ. Звуки выстрѣловъ не отдѣлялись одинъ отъ другаго, а сливались въ одинъ непрерывный ревъ. Такого свинцоваго урагана мнѣ никогда болѣе не приходилось слышать.

При остановкахъ, Вологодцы мало занимались стрѣльбою, а отдохнувъ, съ новыми силами бросались впередъ. Послѣ каждой остановки, не мало мы оставляли лежащихъ распростертыми на землѣ тѣхъ, которымъ не суждено было подняться. Перебѣжавъ ручей, мы выбили турокъ изъ первой ихъ стрѣлковой позиціи и, не давая имъ опомниться, полѣзли вверхъ по скату лощины. Очистивъ кустарники, Вологодцы съ громкимъ «ура» бросились въ штыки на сомкнутыя части непріятеля. Ударъ былъ такъ дружевъ и стремителенъ, что турки быстро очистили позицію и отступили назадъ.

Отбросивъ лѣвый флангъ непріятеля, мы заняли гребень высоты. Правый флангъ цѣпи нашего полка находился на дорогѣ, шедшей изъ Бреслянницы въ Плевну. Перестрѣлка, то затихая, то усиливаясь, про-

должалась все время; только лѣвѣе насъ, не умолкая, грохотала и гудѣла ружейная и орудійная пальба.

Отдохнувъ и нѣсколько собравшись съ силами, я, съ частью цѣпи, перевалилъ за гребень высоты; тамъ передъ нами открылась обширная долина, на днѣ которой протекалъ ручей; долина была ограждена со всѣхъ

1670 Шт.-кап. Домонтовичъ.

Умеръ отъ раны, полученной подъ Плевною 8-го іюля 1877 г.

сторонъ высотами, бока которыхъ круто спускались къ ручью. Около полуверсты вправо, виднѣлся городъ съ красными черепичными крышами и мечетями, съ бѣлыми высокими минаретами, отчетливо рисовавшимися на голубомъ, южномъ небѣ. Съ востока, по правому берегу ручья, шла въ городъ шоссированная дорога. Видно было, какъ изъ города уходили жители,

таща за собою навьюченныхъ ословъ, лошадей и повозки. Виднѣвшійся городъ былъ Плевна.

Мѣстность, окружавшая Плевну, представляла отличную позицію для дѣйствія артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ; кромѣ того, она служила какъ бы естественнымъ брустверомъ, за которымъ можно совершенно скрытно держать свои резервы и передвигать ихъ въ любомъ направленіи.

Въ то время, какъ я разсматривалъ городъ и окружавшую мѣстность, къ намъ прибѣжалъ солдатъ и сказалъ, что его послалъ капитанъ Давыдовъ извѣстить меня, что турки собираются атаковать нашу позицію. Не теряя времени, мы бросились бѣгомъ назадъ и, пробѣжавъ шаговъ 300, присоединились къ своей цѣпи.

Расположеніе наше было слѣдующее: крайній правый флангъ Вологодскаго полка находился на дорогѣ, шедшей изъ Бреслянницы въ Плевну.

Дорога была окопана канавами въ полроста человѣка; по правую сторону ея была небольшая роща, а по лѣвую—виноградники и орѣховыя деревья; дорога, переваливъ за гребень, направлялась къ городу.

Только что мы успѣли присоединиться къ цѣпи, нѣсколько придти въ порядокъ и устроиться, какъ влѣво, а затѣмъ и впереди насъ начался грохотъ перестрѣлки; зачастили орудійные выстрѣлы, за виноградниками раздались рѣзкіе звуки турецкаго рожка и вдругъ, въ 200-хъ шагахъ отъ насъ, появилась густая непріятельская цѣпь. Вся мѣстность была буквально покрыта красными фесками, словно лугъ, усѣянный красными маковыми цвѣтами.

Въ моментъ появленія ихъ, я успѣлъ сдѣлать залпъ, и затѣмъ приказалъ открыть учащенный огонь. Хорошо направленный залпъ заставилъ турокъ пріостановиться. Оправившись, они зачастили ружейную пальбу и съ крикомъ «алла» устремились на нашу цѣпь, но понеся громадную потерю отъ нашего огня, были отброшены

1671 Шт.-кап. Самсоновъ-Двойниковъ.
Умеръ отъ раны, полученной подъ Плевною 8-го іюля 1877 г.

назадъ. Отбитые турки усилили свою цѣпь и придвинули резервъ; затѣмъ завизжали рожки и турки вновь двинулись въ атаку,—огонь усилился до высшей степени. Подъ напоромъ непріятеля, правый флангъ нашъ принужденъ былъ отступить назадъ, за небольшой скатъ дороги. Турки, ободренные успѣхомъ, наскакивали на

отступавшую нашу цѣпь и, на разстояніи 15-ти шаговъ, противники разстрѣливали другъ друга въ упоръ.

Выстрѣлы, свистъ пуль, крики и стоны раненыхъ, слились и смѣшались въ общій гулъ...

Въ эту критическую минуту, я и подпоручикъ Сафоновъ крикнули «ура»; всѣ солдаты дружно подхватили его и безъ выстрѣла стремительно ударили въ штыки. Турки были мгновенно опрокинуты и отброшены отъ канавы шаговъ на 200 и наша цѣпь снова заняла свое прежнее мѣсто.

3-й баталіонъ Вологодцевъ наступалъ уступомъ слѣва, при чемъ головныя роты, ударивъ на непріятеля и отбросивъ его влѣво, двинулись вслѣдъ за нимъ.

Во время этой атаки особенно отличился командующій 10-ю ротою, поручикъ Хорошенко, который, подъ страшнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, идя впереди роты, велъ людей въ замѣчательномъ порядкѣ ободряя ихъ шуткой: «равняйсь, ребята, смѣлѣе иди! два дня не обѣдали, такъ пойдемъ въ Плевну хлѣба добывать!» Затѣмъ, съ частью людей 10-й и 3-й стрѣлковой ротъ, бросился на непріятельскую батарею, которая была прикрыта брустверомъ съ наружнымъ рвомъ, захватилъ два орудія; причемъ, сѣвъ на одно изъ нихъ верхомъ, сказалъ: «это мое!» Другое орудіе солдаты опрокинули въ ровъ. Турки, устроившись, массой атаковали батарею и почти всѣхъ нашихъ храбрецовъ уничтожили. Поручикъ Хорошенко погибъ смертью героя: онъ былъ изрубленъ на пушкѣ.

Головныя роты 3-го баталіона, увлекшись въ преслѣдованіи непріятеля, подались вслѣдъ за отступавшими влѣво, вслѣдствіе чего, между флангами 3-го и

1-го баталіоновъ, образовался довольно значительный, не прикрытый цѣпью, промежутокъ. Слѣдовавшая во 2-й линіи, 9-я рота, подъ командою штабсъ-капитана Дашкевича, подымаясь по скату возвышенности, наступала впередъ. Только что перевалила она за гребень и вступила въ виноградники, какъ столкнулась

1673 Подпоручикъ Федотовъ.
Убитъ подъ Плевною 8-го іюля 1877 г.

лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Штабсъ-капитанъ Дашкевичъ успѣвъ только крикнуть: «въ штыки!» былъ раненъ пулею въ ногу и командованіе ротой принялъ подпоручикъ Федотовъ. Подпоручикъ Федотовъ, выйдя передъ роту, крикнулъ: «впередъ, ребята, наша беретъ!» повелъ людей въ штыки. Во время этой шты-

ковой свалки, фланговой рядовой Тарасовъ нанесъ такой ударъ столкнувшемуся съ нимъ турку, что сломалъ свой штыкъ. Рота, выбивъ турокъ изъ виноградника, погнала ихъ дальше; но затѣмъ, наткнувшись на массу непріятеля, попала подъ его перекрестный огонь, и, потерявъ убитымъ подпоручика Федотова, раненаго прапорщика Потапова и половину своего состава: убитыми 62 человѣка и ранеными 16 человѣкъ, принуждена была остановиться.

Было около девяти часовъ утра. Въ воздухѣ становилось все жарче и жарче. Густой, бѣлой пеленой, пороховой дымъ застилалъ всю мѣстность, клубами подымаясь все выше и выше, и, наконецъ, исчезалъ въ прозрачной синевѣ южнаго неба.

Бой на правомъ флангѣ Вологодцевъ былъ въ самомъ разгарѣ. Турки нѣсколько разъ возобновляли свои атаки на канаву дороги, но всякій разъ были отражаемы.

Не мало пролито было крови и не мало человѣческихъ жизней принесено было въ жертву. Масса раненыхъ и убитыхъ устилала поле сраженія. Кругомъ раздавались стоны раненыхъ и лежали кучами убитые, съ блѣдными, искривленными лицами. Вся окрестность грохотала отъ безпрерывнаго ружейнаго и орудійнаго огня. Помощи же намъ не предвидѣлось, резерва сзади не было. Невольно думалось, что придется намъ лечь костьми на этой горѣ и что эта канава будетъ намъ всѣмъ общей могилой.

Въ это время, сзади и вправо отъ нашего фланга, послышалась орудійная и ружейная пальба; потомъ оказалось, что это 4-я батарея и 2-я стрѣлковая ро-

ты *) штабсъ-капитана Осипова открыли огонь противъ турокъ, обходившихъ нашъ правый флангъ.

Въ то время, когда я ходилъ по канавѣ и руководилъ огнемъ, вдругъ, почувствовалъ страшный ударъ въ бокъ; мнѣ показалось, что бокъ вырвали раскален-

1672 Прапорщикъ Власьевъ,

исп. должность полковаго адъютанта.

ными щипцами; затѣмъ, я упалъ въ канаву и потерялъ сознаніе. Очнувшись, я увидѣлъ себя лежащимъ на днѣ канавы; надо мной, на колѣняхъ, стояли солдатики и что-то причитывали, а кругомъ, все по преж-

*) Была вызвана изъ прикрытія перевязочнаго пункта.

нему гремѣла пальба, слышались: бой барабана, звуки рожка, крики «ура» и «алла», стоны, вопли!... Наконецъ, дали мнѣ напиться, облили голову водой и затѣмъ, кое-какъ, вытащили изъ канавы за небольшой скатъ дороги. Много усилій и самоотверженія выказали солдатики, спасая меня почти отъ вѣрной смерти. При этомъ два изъ нихъ были опасно ранены въ голову, а третій—въ плечо, на вылетъ *). Наконецъ, кое-какъ остальнымъ: 1-й стрѣлковой роты Берлатовичу, Скачкову, 4-й роты Денисенкѣ, удалось вынести изъ мѣста свалки и дотащить до ручья. Только что перешли ручей, какъ вдругъ, послышался шипящій свистъ и вслѣдъ затѣмъ, я почувствовалъ боль въ правомъ плечѣ и теплоту текущей крови; пуля, ударивъ въ плечо, прошла, на вылетъ, подъ ключицей.

У ручья встрѣтили начальника штаба, полковника Попова. Разспросивъ, куда я раненъ и гдѣ находится 1-й баталіонъ Вологодскаго полка, полковникъ Поповъ поѣхалъ дальше.

Такъ какъ почти всѣ, находившіеся въ ротахъ, санитары-носильщики **) были ранены или убиты, и другихъ средствъ для переноски раненыхъ не было, то, послѣ сдѣланной мнѣ фельдшеромъ перевязки, солдатики, натянувъ на два ружья холстину отъ переносной палатки и положивъ меня на эти носилки, кое-какъ дотащили до дороги, гдѣ, наконецъ, встрѣтили обоз-

---

*) Одинъ изъ раненыхъ въ голову, былъ рядовой 4-й роты Мишенковъ. Всѣ они, за исключеніемъ, неизвѣстно куда убывшаго Скачкова, по возвращеніи моемъ въ полкъ, по моему ходатайству, получили георгіевскіе кресты.

**) Въ каждой ротѣ находилось четыре санитара-носильщика.

1361 Братская могила офицеровъ и нижнихъ чиновъ 18-го пѣх. Вологодскаго полка, павшихъ подъ Плевною 7-го и 8-го іюля 1877 года.

ную телѣгу, на которой и привезли до перевязочнаго пункта.

Дальнѣйшія дѣйствія полка я передаю со словъ очевидцевъ и участниковъ въ этомъ дѣлѣ.

Во время обхода турками нашего праваго фланга со стороны деревни Буковецъ, роты 2-го баталіона, подъ начальствомъ маіора Кольчевскаго, двинулись на непріятеля, выбили его изъ Буковца и отбросили за гребень возвышенности къ Плевнѣ.

Въ $9^1/_2$ часовъ утра, со стороны Гривицы получено было первое свѣдѣніе, что командиръ Костромскаго полка убитъ, боевые припасы истощились и полкъ, подавляемый массой непріятеля, вынужденъ начать отступленіе. Тогда генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ послалъ начальника штаба, полковника Попова посмотрѣть и донести ему, въ какомъ положеніи находится дѣло на выдавшемся впередъ, правомъ флангѣ. Полковникъ Поповъ донесъ, что дальнѣйшее наступленіе невозможно, вслѣдствіе громадной убыли людей и особенно офицеровъ, изъ которыхъ уже двѣ трети выбыло изъ строя; кромѣ того, командиръ Архангелогородскаго полка, полковникъ Розенбаумъ убитъ, командиръ 1-й бригады, генералъ-маіоръ Кнорринтъ раненъ, а, подкрѣпляемый все болѣе и болѣе свѣжими частями, непріятель начинаетъ тѣснить наши войска. Все это заставило генерала Шильдеръ-Шульднера, въ половинѣ двѣнадцатаго часа, отдать приказаніе вступившему въ командованіе бригадой, генералъ-маіору Похитонову, отступить на позицію, которую занимали 7-го іюля.

Положеніе отступающихъ частей было по истинѣ критическое. Остатки разстрѣливаемыхъ ротъ, изму-

ченныхъ усталостью, зноемъ и жаждой, собирались къ уцѣлѣвшимъ офицерамъ и, бросаясь въ штыки, или же дѣйствуя огнемъ, отходили назадъ, оставляя за собой кровавый путь и устилая поле битвы тѣлами убитыхъ и раненыхъ. Послѣдніе приподымались, снова падали, испуская стоны; но атаки турокъ до того были стремительны, что ихъ не успѣвали подбирать и всѣ они погибли мученическою смертью. Непріятельская цѣпь, съ черкесами и баши-бузуками, слѣдуя по пятамъ отступавшихъ Вологодцевъ, захватывала раненыхъ, и здѣсь же, на глазахъ всѣхъ, рѣзала, добивала и предавала другимъ истязаніямъ. Во время этого отступленія, погибли смертью героевъ: маіоръ Юрковскій, раненый въ ноги, былъ захваченъ турками и изрубленъ въ глазахъ отступавшихъ; прапорщикъ Горскій былъ окруженъ непріятелемъ и, отбиваясь саблей, изрубилъ трехъ враговъ, но, получивъ рану въ ногу, упалъ и былъ заколотъ штыками; возлѣ пор. Коведяева разорвалась граната и своими осколками оторвала ему голову.

Вологодскій полкъ, отступивъ, занялъ гребень высоты, которую онъ занималъ 7-го іюля. При всемъ численномъ превосходствѣ своемъ, турки не рѣшились атаковать нашу позицію и, занявъ высоты, которыя они занимали 7-го іюля и утромъ 8-го, расположились въ кустарникахъ, на склонѣ лощины, поддерживая дальній ружейный и артиллерійскій огонь.

На случай возобновленія боя и новой атаки, уцѣлѣвшіе начальники Вологодцевъ приложили не мало трудовъ и усилій, чтобы привести въ порядокъ перемѣшавшіяся между собою роты полка и сформировать слабые остатки баталіоновъ.

Въ это время получилось извѣстіе, что со стороны Никополя идетъ 20-й пѣхотный Галицкій полкъ съ двумя 4-хъ - фунтовыми батареями. Тогда генералъ Шильдеръ-Шульднеръ приказалъ выбрать въ тылу позицію и расположить на ней Галицкій полкъ, а частямъ 1-й бригады отступить назадъ.

Генералъ Похитоновъ, оставивъ на позиціи сборный баталіонъ Вологодскаго полка, подъ командою командующаго полкомъ, маіора Залетина, и подъ прикрытіемъ Вологодцевъ, постепенно отвелъ артиллерію, а за тѣмъ и пѣхотныя части.

Около пяти часовъ пополудни, 9-й казачій полкъ, получивъ приказаніе прикрыть дальнѣйшее отступленіе, незамѣтно для непріятеля, отошелъ въ ближайшую балку. Непріятельская конница бросилась преслѣдовать отступавшихъ, но была атакована казаками и опрокинута, оставивъ на мѣстѣ до двадцати убитыхъ. Послѣ этого, къ 6-ти часамъ вечера, бой прекратился; все смолкло и Вологодскій полкъ, въ составѣ 1-й бригады 5-й пѣх. дивизіи, съ Галицкимъ пѣхотнымъ и 9-мъ Донскимъ полками, расположился на ночлегъ у Бреслянцы.

Потери, понесенныя полкомъ въ бою 7-го и 8-го іюля, были весьма значительны; убиты: маіоръ Юрковскій, поручики: Хорошенко, Коведяевъ, подпоручикъ Федотовъ и прапорщикъ Горскій; умерли отъ ранъ въ лазаретѣ: шт.-капитаны: Домонтовичъ, Самсоновъ-Двойниковъ, подпоручикъ Яндовскій; ранены: маіоръ Стешинъ, капитанъ Рогальскій, штабсъ-капитаны: Дашкевичъ, Сливинскій; поручики: Бачевскій, Свѣтюха; подпоручики: Вершковскій, Потаповъ, Николай Нѣговскій и Ткачукъ. Итого въ полку убыло: убитыми—офицеровъ 8, ниж-

нихъ чиновъ 489; ранеными—офицеровъ 10, нижнихъ чиновъ 174. Всего 18 офицеровъ и 663 нижнихъ чиновъ *).

Описаніе этого боя можно заключить такими словами: «Вѣчная память павшимъ въ неровномъ бою! Оставшіеся же въ живыхъ вынесли сознаніе, что поддержали славу своихъ знаменъ»!

---

*) Не дешево обошелся и непріятелю одержанный имъ успѣхъ: по собственному его сознанію, онъ потерялъ около 4000 человѣкъ убитыми и ранеными.

При выступленіи изъ Чернигова, составъ офицеровъ полка былъ слѣдующій:

Командиръ полка—баронъ Соловьевъ, полковой адъютантъ—подпоручикъ Ѳедоровъ, жалонерный офицеръ—поручикъ Свѣтюха.

Командиръ 1-го баталіона—подполковникъ Тихановъ, баталіонный адъютантъ—подпоручикъ Бачевскій.

1-й роты: командиръ—капитанъ Кольчевскій; субалтернъ-офицеры: подпоручикъ Яблонскій, прапорщики: Москальцевъ, Пеленкинъ, Гурскій и Молчановскій.

2-й роты: командиръ—штабсъ-капитанъ Баньковскій; субалтернъ-офицеры: прапорщики—Мулюха 1-й, Вершковскій и Бобырь.

3-й роты: командиръ—штабсъ-капитанъ Войдокъ; субалтернъ-офицеры: прапорщики—Овсѣенко и Нѣговскій 2-й.

4-й роты: командиръ—капитанъ Плюшкевичъ; субалтернъ-офицеры: прапорщики—Статкевичъ и Абышевъ.

Командиръ 2-го баталіона — маіоръ Логвиновъ, баталіонный адъютантъ—подпоручикъ Ляшенко.

5-й роты: командиръ—штабсъ-капитанъ Чутъ; субалтернъ-офицеры: прапорщики—Сафоновъ и Андреевскій.

6-й роты: командиръ—капитанъ Стешинъ; субалтернъ-офицеры: поручикъ Луганиновъ, прапорщики—Давыдовъ, Бобенко 1-й и Бѣлослюдовъ.

7-й роты: командующій — поручикъ Самсоновъ-Двойниковъ; субалтернъ-офицеры: подпоручикъ Коведяевъ, прапорщики: Бобенко 2-й и Рубецъ.

8-й роты: командиръ — капитанъ Рогальскій; субалтернъ-офицеры: прапорщики—Шумскій-Каверниковъ, Ткачукъ и Холмскій.

Командиръ 3-го баталіона — маіоръ Залетинъ, баталіонный адъютантъ—подпоручикъ Стржалковскій.

9-й роты: командиръ — штабсъ-капитанъ Дашкевичъ; субалтернъ-офицеры: подпоручикъ Федотовъ и прапорщикъ Потаповъ.

10-й роты: командиръ — капитанъ Бертманъ; субалтернъ-офицеры: прапорщики: Нѣговскій 1-й и Горскій.

11-й роты: командиръ—штабсъ-капитанъ Сливинскій; субалтернъ-офицеры: поручикъ Хорошенко и прапорщикъ Купріевичъ.

12-й роты: командиръ—штабсъ-капитанъ Домантовичъ; субалтернъ-офицеры: прапорщики—Мулюха 2-й и Левицкій.

1-й стрѣлковой роты: командиръ—штабсъ-капитанъ Давыдовъ; субалтернъ-офицеры: прапорщики—Грековъ, Яндовскій и Гриценко.

2-й стрѣлковой роты: командующій—поручикъ Осиповъ; субалтернъ-офицеры: поручикъ Симоновскій и прапорщикъ Понаженко.

3-й стрѣлковой роты: командиръ — капитанъ Нинекъ; субалтернъ-офицеры: прапорщики—Маковейскій, Власовъ 1-й и Власовъ 2-й.

Завѣдывающій хозяйствомъ — маіоръ Кайровичъ, командиръ нестроевой роты — штабсъ-капитанъ Колотушкинъ, квартирмейстеръ — штабсъ-капитанъ Шандыбинъ, казначей — подпоручикъ Коганъ, завѣдывающій оружіемъ—поручикъ Сапожниковъ, дѣлопроизводитель—подпоручикъ Саватневъ. Доктора: старшій врачъ Вещицкій, и младшіе: Макаревскій, Шкляверъ, и классный фельдшеръ Качуринъ.

Еще въ первые дни мобилизаціи, состоялся приказъ о назначеніи офицеровъ и нижнихъ чиновъ для образованія кадра 18-го запаснаго баталіона. Отъ полка и были назначены: маіоръ Яременко—командиромъ баталіона, штабсъ-капитаны: Піотровскій и Ямчицкій—командирами ротъ, поручикъ Соколовъ—казначеемъ и подпоручикъ Рейхардъ—баталіоннымъ адъютантомъ. Штабсъ-капитанъ Филипповъ былъ назначенъ смотрителемъ дивизіоннаго лазарета и прапорщикъ Михайловъ—комисаромъ временнаго военнаго госпиталя.

Въ концѣ февраля состоялось производство по линіи по штату военнаго времени, вслѣдствіе котораго почти двѣ трети офицеровъ полка получили слѣдующіе чины: капитаны Кольчевскій и Стешинъ произведены въ маіоры, при чемъ первый назначенъ командующимъ 2-мъ баталіономъ; кромѣ того, изъ Галицкаго полка переведенъ маіоръ Юрковскій и назначенъ младшимъ штабъ-офицеромъ въ 1-мъ баталіонѣ.